

КОСТЁР

ЯНВАРЬ 1/1981

КОСТЁР

1

ЯНВАРЬ

1981

Ежемесячный журнал.
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1981 г.

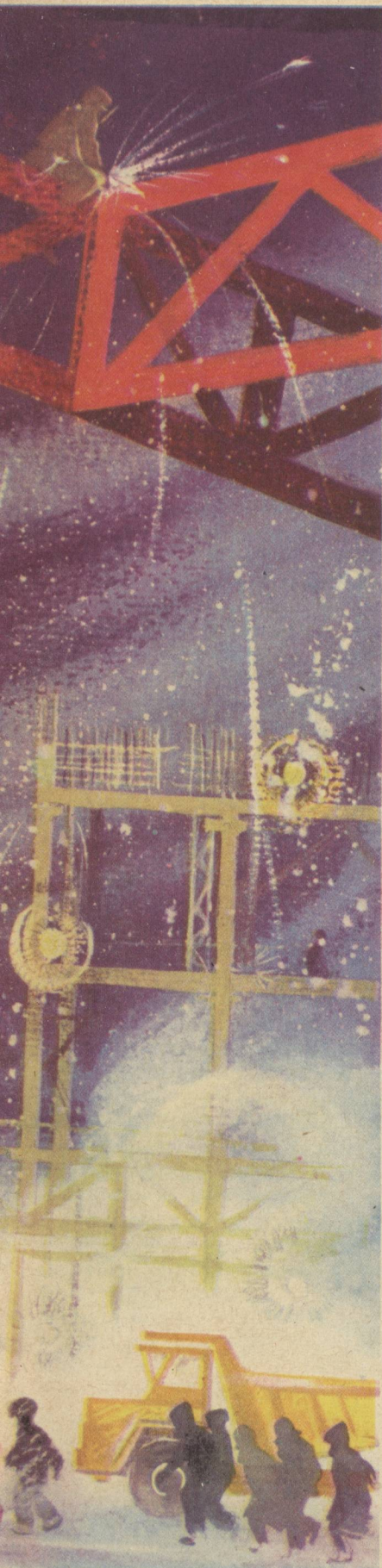
ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Север любит сильных	очерк Н. Кривомазова	1
Малахай	повесть Л. Кузьмина	4
В Саянах, на Енисее	записки художника Г. Ковенчука	12
Барабан		14
Ендрек и другие	повесть В. Бадальской	17
140 блокадных ребят	очерк Л. Калинина	22
На тропе — тигр	очерк А. Мищенко	25
Мальчик и птица	сказка Б. Сергуnenкова	29
Морская газета		30
Дети горного Алтая	рассказы З. Пироговой	32
Художник Николай Рерих	очерк Д. Норина	35
Они едят для вас		38
Веселый звонок		40
Мы с вами, друзья!	заметка Н. Водяницкой	42
Спортклуб «Кузнечик»		43
Арчбек		48

НА ОБЛОЖКЕ РИСУНОК
М. БЕЛОМЛИНСКОГО

Рисунки Л. Иванова

СЕВЕР ЛЮБИТ СИЛЬНЫХ

— Мы работаем днем и ночью, — сказал начальник стройки.

— Ночью положено спать, — возразил я.

Начальник стройки расхохотался:

— Так ведь ночь у нас полярная, долгая! Если строители будут спать по четыре-пять месяцев в году, мы никогда не закончим дело.

Он покосился в окно, за которым была морозная картина самой северной в стране комсомольской стройки, и вдруг сорвался с места:

— Живо в машину!

На бегу я успел увидеть, что из высоченной трубы за окном валит дым. Это было так же невероятно, как заставить работать бензиновый двигатель без горючего. Трубы должны задымить только через полгода, когда новый завод Норильска готов будет выпускать металл. А между тем труба коптила, как старая керосиновая лампа!

Радиотелефон в кабине звонил, не переставая. Все хотели узнать, как это начальник стройки сумел пустить стройку на полгода раньше срока? Я тоже пошутил, спросил у Анатолия Николаевича Закопырина:

— А может, ребята решили вам подарок сделать ко дню рождения?

Закопырин, подавшись вперед, отвечал не оборачиваясь:

— За подарок спасибо! Но я не верю! Видишь ли, пробежать стометровку быстрее олимпийского чемпиона сможет только другой чемпион. А у нас, за Полярным кругом, не просто стометровка, а целый строительный марафон, где рассчитан каждый шаг. Строить быстрее не сможет никто в мире. А медленнее мы и сами себе не позволим.

И попросил шофера Николая, который и так погонял все 95 лошадиных сил своей «Волги»: «Быстрее, пожалуйста».

XXV XXVI
ОТ СЪЕЗДА К СЪЕЗДУ

Было видно, что сейчас ему не до посторонних разговоров, и я, прикрыв глаза, попробовал вспомнить, когда и где впервые познакомился с Закопыриным.

...Он родился в тех местах, где во время войны проходила знаменитая Курская дуга, где второй раз после Сталинградской битвы наши солдаты перешли в наступление, разгромили до тридцати немецких дивизий и окончательно переломили ход войны в нашу пользу.

Второй раз он «родился» в Сибири, куда приехал строить горный комбинат на реке Илимее.

Говорят, Москва не сразу строилась. А здесь все нужно было сразу: жилье, школу и комбинат. И не поймешь, за что браться в первую очередь.

Анатолию предложили простое дело. Он сделал. Дали задание посложнее. Через месяц он уже стоял в кабинете начальника стройки Матвея Теста: «Сделано!» Тест не поверил в такие темпы, сам поехал проверить работу и тут же без лишних слов вручил ему ключи от соседнего кабинета: «Будешь у меня главным инженером».

Вот тогда мы с ним впервые и встретились. Я сразу заметил на стройке молодого парня, который не ходил, а летал. А командовал он так, что самому хотелось бегом успевать, энергично работать.

— Слушай, где можно найти вашего главного инженера? — спросил я его.

— Пойдем, проведу.

В просторном кабинете он кинул на стул строительную каску, уселся за важный стол и сказал:

— Ну, я главный. Что надо? — И рассмеялся, увидев мое изумленное лицо.

Очень мало на свете людей, которые любят и, главное, умеют быть командирами. Один, вроде, и хочет, чтоб дело делалось, но пока закон-

чит давать указание, забудешь, с чего он начинал. Другой умеет, но боится отвечать за всех и каждого. Вот грузовик на стройке перевернулся или там рабочий пришел на работу без каски и чуть было голову не сломал — кого наказывать?

В шестом классе был у нас председатель совета отряда. Так он, пока не послушается нашего общего любимца Володьку Диклова, ни за что на свете не возьмется и не решит. А Диклов и металлолом вовремя предлагал собирать, а не тогда, когда все под снегом, и в кино на самые лучшие фильмы водил. И лучшие ряды нам доставались, когда мы — с Дикловым. Короче, кончилось тем, что Диклова избрали председателем, а старый вздохнул свободно.

Так что командиром, а тем более начальником стройки быть не просто. И немножко обидно. Только, кажется, начали жить хорошо — город построили в тайге, тротуары проложили, как нужно срывать на новое место.

Первую железную руду своего комбината Закопырин так и не увидел. Ему предложили строить в Братске еще больший комбинат по переработке древесины в целлюлозу и картон, и он с радостью рванул на Ангару. Я уже говорил, что ему нравилось командовать самым большим делом.

Но здесь я должен поговорить о стройках, которые с Закопырина никто не требовал. На этот раз начальнику стройки скомандовала... его дочь.

— Папа, — грустно сказала она, сидя у телевизора. Как раз показывали фигурное ка-

тание, и она, как все девчонки, завидовала Родниной, а заодно и Зайцеву. — Ну скажи, папа, почему все так неправильно устроено?

— Так уж и все? — Отец листал чертежи и думал, что завтра снова придется ехать на работу к шести утра. Сутки такие короткие...

— Все неправильно! — Дочь заупрямилась. — Вот жили бы мы в Ленинграде или Киеве, научилась бы я кататься на коньках и стала бы чемпионкой мира.

— Захочешь и станешь, — рассеянно ответил отец и только потом спохватился. — Постой, а где же ты будешь тренироваться?! В сибирский мороз на улице здорово не разгуляешься. Постой, постой... Действительно несправедливо!

Совсем скоро десять грузовиков выгружали в центре Братска непонятный груз, похожий на спущенные шары. Включили насосы, и за каких-то полдня вырос огромный «дирижабль», крепко прикованный к земле. Специальные входы-тамбуры впускали внутрь людей и не выпускали воздух. Внутри «дирижабля» на ледяном поле можно кататься полгода.

В тот же день Закопырин собрал всех своих заместителей и спросил:

— Сколько мы сможем найти лишних денег для того, чтобы построить лучший в городе плавательный бассейн?

Один заместитель вздохнул громче всех:

— Лишних денег не бывает, Анатолий Николаевич. Построим им бассейн, а они еще и горнолыжную трассу потребуют. С подъемником!

— А что? Это идея! — Закопырин обрадовался по-настоящему. — Есть у нас прекрасная гора Пихтовая. Там, пожалуй, и санную трассу можно отгрохать. А рядом построить для ребятишек, для их родителей какой-нибудь северный «Артек», лучший в Сибири, а?

Теперь сами думайте, плохой он начальник или хороший, если все, что ему приказали, он построил в срок, а объекты неплановые даже досрочно, потому что это были Братский «Артек» и школа фигурного катания, горнолыжная трасса и отличный плавательный бассейн с баней... А санная трасса так понравилась нашей сборной, что чемпионка мира Вера Зозуля сказала мне однажды: «Спасибо, конечно, Закопырину, только жаль, что из Братска уехал. Мы бы из него мастера спорта сделали. Кстати, где он теперь?»

Кажется, всю жизнь придется мне кататься по стране в поисках Закопырина и ответа на вопрос, зачем ему это нужно. Один город построил... Второй... Живи и радуйся. Нет, не сидится человеку! Теперь вот в Норильске, посмеиваясь, говорит серьезные вещи: «Если у человека не было в жизни трудностей, то пусть он отдаст за них любые ценности, только тогда он почувствует себя человеком».

— Север любит сильных, — поддакиваю ему я, а он не соглашается:

— Сильные любят Север!

Кажется, сама природа упряхла свои богатства туда, где невозможно к ним добраться. Мерзлая земля за Полярным кругом и ветра, несущиеся со скоростью курь-

ерского поезда, и долгие ночи, и сомнительное тепло северного солнца. Но в шахтах километровой глубины я держал в руках фиолетовую руду. Добра здесь так много, что всех заводов Норильска не хватит все переработать. Вот и решили построить самый большой и самый современный завод страны. Стройку назвали — «Надежда». Красиво...

«Что строишь?» — «Надежду».

Металл «Надежды» сделает сталь упругой, а космическую ракету прочной, не сгораемой в самой горячей жаре. Пуска «Надежды» с надеждой ждут металлурги, космонавты, электротехники и создатели новых машин.

И — на тебе! Оказалось, что я опоздал! Труба уже дымит! ...Наша «Волга» притормозила у самой трубы. Закопырин выскочил первым. Народ с улыбкой расступился. Через высокий проем в кирпичной кладке мы вошли внутрь трубы... и расхохотались.

— Здорово меня купили, — признался Закопырин. — Н-ну, герои!

На земле полыхал невысокий костер, сложенный из поломанных досок. У огня грелись каменщики, только что закончившие кладку и спустившиеся с 250-метровой высоты. Сильная струя воздуха тащила дым далеко вверх, туда, где сиял пятачок синего неба. Черная гарь и красные искры вылетали наружу, создавая видимость, что труба дымит по-настоящему.

Мы присели у огонька.

— Ничего, ребята, — сказал Закопырин, помешивая головешки. — Теперь уже недолго осталось. Сварим наш первый металл и...

— А дальше? — быстро вмешался кто-то.

— Дальше? Намечается тут одно дело. Оч-чень большое. Поедем?

Все улыбнулись: зря, мол, спрашиваешь, Анатолий Николаевич. Да мы за таким начальником в огонь и в воду!

Николай КРИВОМАЗОВ

Геннадий МОРОЗОВ

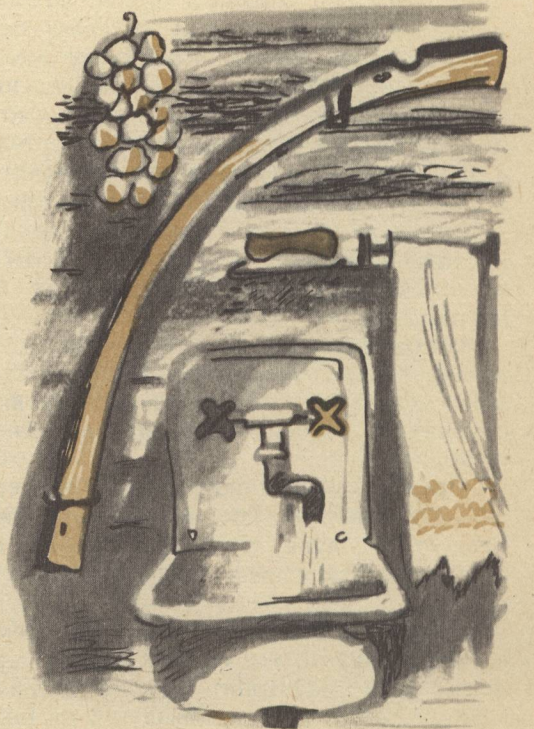
ЛЕСОРУБЫ

Жмет мороз... Метут метели.
Побелели сосны, ели.
Но, однако, несмотря
На свирепость января,
Пораспахивали шубы
Молодые лесорубы.
И метелям вперекор
Звонко звякает топор.
Пышут спины точно печи...
Что ни взмах —
то крепче плечи!
Пар идет от красных лиц...
Прочь, мороз, из рукавиц!

Рисунки
С. Ведерниковой

КОРОМЫСЛО

Висит коромысло
На стенке давно.
Совсем непригодно
В хозяйстве оно.
Когда-то морозной,
Метельной зимой
С ним дедушка мой
Семенил за водой.
И с ним моя бабушка
К речке ходила —
Белье полоскать
В двух корзинах носила.
То было когда-то...
А нынче в дома
По трубам вода
Прибегает сама.
Но прошлому долг:
В каждой новой избе
Всегда коромысло
Висит на гвозде.

ПОВЕСТЬ

Лев КУЗЬМИН

МАЛАХАЙ

Рисунки
С. Яковлева

Падает густой и влажный снег. Меж темных перелесков по белому первопутку немолодая каряя лошаденка довольно резво катит большие сани-розвальни. Седоков в них только двое. Дедушка Николай Ложкин — худой, сутулый старик в просторном тулупе, и его девятилетний внук Борька, накрывшийся от снега пестрым рядном.

Поклажа в санях тоже невелика. Мешок с колхозной рожью, которую надо сдать на заготовительный пункт на станции, да берестяной пестерь.

Из-под крышки пестеря торчит сено. На первый взгляд можно подумать, что и набит он одним лишь сеном, но исходит от пестеря ни с чем не сравнимый, особенно сладкий на зимнем воздухе яблочный дух.

Борька то и дело склоняется к пестерю, смачно поводит озябшим носишком, и то ли от этого сладостного духа, то ли еще от чего настроение у Борьки прекрасное. А вот у дедушки Николая — не очень.

Сердитость дедушкина видна во всем. И в том, как он рывками, без особой нужды, дергает вожжи, и в том, как сопит, хмурится, как досадливо задирает бороденку-клинышек над широким воротником тулупа и все оглядывается на Борьку,

все как будто бы собирается упрекнуть в чем-то. Наконец не выдерживает, говорит:

— Взбрело тебе, Борька, с этой шапкой, ей-ей, взбрело! Теперь, считай, яблоки выбросим за дарма... А вот потерпел бы еще с месячишко, тогда бы и на наш с тобой садовый товар цена на рынке еще больше поднялась; и мы бы тогда на яблоки купили не только шапку, а еще и какие-никакие сапожата.

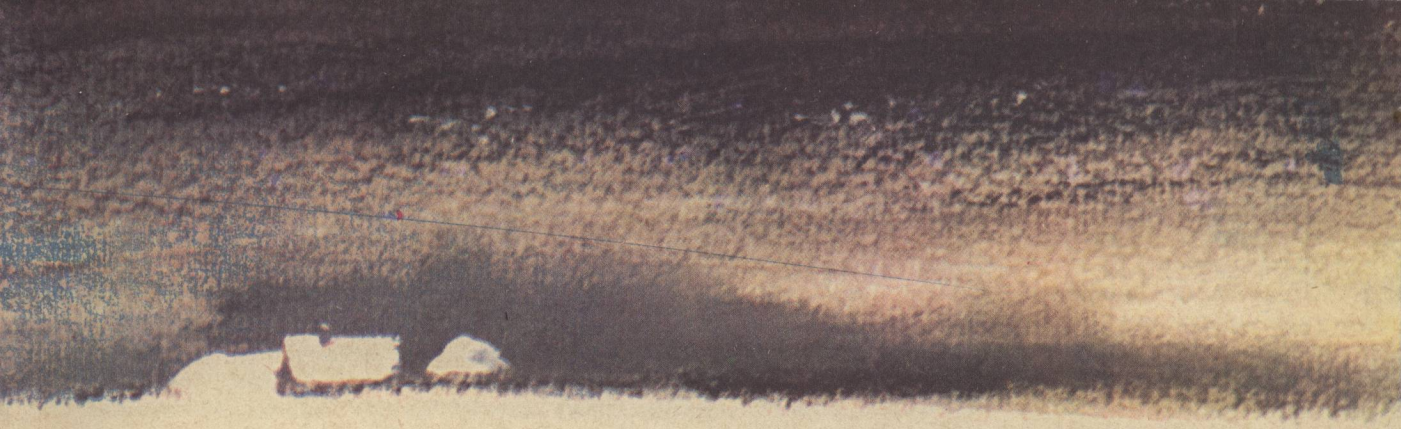
Борька так и остается сидеть в обнимку с пестерем, отвечает из-под рядна весело:

— Чего теперь, когда уже собрались и поехали! Через месяц, дедко, и война, может, кончится. А раз кончится, то сапогов любых и безо всякого рынка в магазинах будет полно... А вот шапку мне надо не после войны, а сейчас.

— Ко-ончится... Бу-удет... — сердито переговаривает Борьку дедушка. — Ничего не кончится, и ничего не будет! Не такая она война, чтобы скоро кончиться. Еще нужды-то по самую шейку хватит. Еще перемотаться да перемотаться надо, а тебе вот, дурачку, приспичило именно сейчас... Ша-апку... Но-овую... Вынь да положи!

Тогда Борька и сам хмурится, сам обиженно говорит:

— Не новую. Хоть бы какую... Лишь бы по голове... Скажи уж лучше, опять яблоков своих пожалел.

— И пожалел! Это тебе ничего не жаль, а мне — досадно. На себя досадно, что поддался твоему реву до поры, до времени... Эх-х!

И он сердито подхлестывает вожжами Карюху, и та вздрагивает, пускается вскачь. Дедушка чуть не валится на Борьку, Борька — на пестерь.

Через минуту лошаденка опять себе трюхает мелкой рысцей, а бестолковый спор в санях продолжается.

Наконец Борька не вытерпливает, вскакивает на коленки:

— Да что ты все заладил: «Не понимаешь, не понимаешь... Новую, новую...» Что я, модник, что ли, какой? Я же сто раз говорил: не новую, а лишь бы впору... Ведь в этой-то меня уже и по имени все позабыли как звать, все только и кличут: «Малахай да Малахайце!» Ну ты сам, дедко, посмотри...

И Борька смахивает с себя рядно, прыгивает с розвальной на дорогу, встает там, растопырив руки.

Дедушка кричит: «Тпру!», растерянно оглядывается.

Вид у Борьки в самом деле нелепый. На нем, на малорослом, все огромное. Кирзовые сапоги — сорок последнего размера, с загнутыми, как лыжи, носами; стеганка — с полами до самых пят, с карманами ниже колен, с рукавами, загнутыми вдвое. Но всего несуразней шапка. Овчинная, лохматая, держится она не столько на Борькиной макушке, сколько на его узких плечах, да и то лишь тогда, когда Борька стоит вот так вот столбняком, на одном месте. Если же куда бежать, то малахай надо прихватывать сверху обеими руками, иначе он свалится. А если необходимо на кого взглянуть, особенно на большого, на высокого, то и опять приходится за малахай хвататься, приподымать повыше, а не то и совсем стаскивать с головы.

Но сейчас расходившийся Борька и не стаскивает его, и не приподымает, а напяливает совсем уж так, что становится похожим на странного, с лохматою шляпищей гриб на дороге, на снегу.

Для дедушки эта картина не новая, но он все равно качает головой:

— Да... Видок...

И тут же поспешно говорит:

— Ладно, ладно... Я ведь не от сердца бранюсь. Я ведь оттого, что сам вижу: надо тебе все новое, а где взять? Негде. Да и почти не на что... Садись, давай, садись, пестерь береги. А то как бы нам и вот этот свой капитал не посеять.

Дальше они едут какое-то время молча. Дедушка сидит впереди, грустно сутулит спину. Борька придерживает пестерь, хмурится под своим малахаем и под накинутым опять сверху рядном.

Изо всех звуков в тихом лесу и на дороге — лишь редкое постукивание полозьев, глухое топтание Карюхиных подков, да ее фыркание, когда пушистые и чуть влажные снеговые хлопья щекают ей ноздри.

А Борьку после ссоры не развлекает даже яблочный аромат. Ему теперь начинает думаться, что в самую решительную минуту там, на рынке, дедушка Николай все ж таки сделает все по-своему. Опять задорожится, опять начнет скупердьяничать и яблоки в конце концов за одну лишь только шапку не отдаст.

Но Борьке и самому их в общем-то жаль. В сене под крышкой пестеря яблок не так уж и полно. Их всего-навсего тридцать штук. И это и есть весь «капитал», весь «садовый товар» Ложкиных, больше нигде ничего ни в каких сусеках-амбарах у них нет.

Нет потому, что сад в прошлую, самую первую военную зиму почти целиком вымерз.

Борька и теперь помнит это время до малейшей подробности.

Как только он начинает эту пору вспоминать, так перед ним сразу — изба, полночь, но в избе никто не спит. В ней все вдруг проснулись от гулкого удара в снях. Там словно бы кто хватил вдруг обухом топора по стене, и он, Борька, вскакивает в постели, перелезает через дедушку, суется к окну:

— Кто это?

Дедушка кричит, тоже подымается и, заслоня ладонью от яркой, как лампа, луны, припадает к окну рядом с Борькой.

— Мороз-Красный нос... Ночевать к нам просятся... — пробует пошутить старик, да шутка не выходит. Он сам и добавляет тут же: — Гляди, что творится... Все сразу, все к одному. И война, и зима, и волчья стужа... Пропадет наш сад.

— Что сад! — словно бы вдруг осердясь за

что-то на дедушку, говорит хмурым голосом из темноты мать. — Что сад! Вот как там на фронте наш батька, как все наши бойцы этакую стынь терпят, даже и представить себе не могу. Ведь они там не по избам сидят, а держат оборону в чистом поле.

Бабушка шелестит одними лишь губами что-то невнятное, испуганное. В сенях опять бухает. Борька пугается сам, тарашится в дырку в полу-замерзшем окне.

Сад за окном — черный, обледенелый. Резкие тени от него тонко и знобко дрожат на колюче светящемся снегу. Дрожат и звезды в бездонной пустоте над садом, лишь огромная луна спокойно глядит из морозного венца своего, но спокойствие ее — жутковатое...

Чего дедушка боялся в ту зиму, то и стряслось. Яблони погибли почти все. Выстояла только одна — антоновская, у самой избы под окошками, да и та — наполовину.

Почки весною набухли на тех ветках, что тянулись к затишку, к избяному теплу, а вся вольная сторона яблони так и осталась неживой, будто ее опажули огнем. Зато яблоки на уцелевших ветках стали потом наливаться на диво. Корни в земле, как видно, сохранились все и всю свою живительную силу гнали теперь к этим немногим плодам.

Дедушка сразу и решительно взял их на учет. Еще тогда, когда яблоки были совсем зелеными, он сказал:

— Гляди мне, Борька! Околотишь хоть одно, выдеру.

Мать с бабушкой услышали, вступились:

— Бирки на каждое навесь! Бирки! Ишь чего, старый, пожалел... Яблочка внуку. Да ему нынче и побаловаться больше нечем.

— А нынче баловаться и не время, — упрямо ответил дедушка. — Нынче о сурьезном надо думать, в завтрашний день смотреть.

И показал при этом опять на того же Борьку, как будто он, Борька, этот завтрашний день и есть.

Борька тогда не понял ничего, но, боясь и в самом деле схлопотать деру, к яблокам не прикасался; хотя и висели они, наливались соком под самым окном. Распахни раму, потяни за ветку, — и они тут, в избе!

Суть тогдашних дедушкиных слов дошла до внука лишь в канун первого сентября. Борьку стали собирать в школу, во второй класс, и тут вдруг обнаружилось — идти ему не в чем.

Под теплыми летними дождиками, под радугами да под вольным солнышком маленький, всегда считавшийся недоростышем, Борька вдруг вымахал чуть ли не на целую пядь. Правда, и от этого он не стал богатырем, но когда мать вынула из сундука всю его прошлогоднюю школьную обувь-одежку, то так и охнула:

— Матушки-светы! Что делать теперь?

Не лезли на Борьку ни старые стоптанные башмаки, ни суконные пальтецо, ни истрепанная вздрызг шапчонка.

Бабушка попробовала шапчонку помять, растянуть хоть чуть-чуть, но — бесполезно.

А дедушка тут же и не преминул напомнить всем тот старый разговор о яблоках.

Яблоки все давным-давно полеживали в кладовке под замком у дедушки, но дедушка все равно торжествующим и даже немного ехидным жестом показал на окно, на желтую и теперь по-осеннему совсем легкую яблоню:

— Вот-от... Скупердьяй был ваш дедушка, сердились на дедушку, а выходит — дедушка был прав! Схрупали бы яблочки просто так, из-за одного лишь баловства и — конец. А они нам нынче — во спасение... Деревенский народишко теперь, чтобы ребятам своим хоть какую одежду справить, последние припасы, хлебушко да картошку на рынок потащит, а мы обойдемся вот этим баловством — яблочками... Мы Борьку приоденем — на их!

— На три-то десятка? — удивилась мать.

— А хоть бы и на три! Тут все дело в том, когда на рынок ехать. Ежели заявиться с таким товаром, скажем, под самый Новый год, то выгода может произойти немалая. К Новому-то году и в войну каждому яблочка охота... В общем, тут надо по всем правилам соблюсти коммерцию.

— Коммерса-ант... Купец с колхозной конюшни! — не удержалась, съехидничала в свою очередь бабушка. — Сидел бы уж там у себя, лошадам хомуты ушивал и что не следует не горюдил... Совесть надо иметь. У людей повсюду нужда, а тебе — выгода.

— А у нас не нужда? — взвился опять дедушка и остался при крепком своем мнении.

Но пока суд да дело, пока время ехать на рынок по дедушкиным расчетам не подошло, Борька стал ходить в школу в отцовских старых рабочих сапогах, в дедушкиной стеганке, а когда кончились солнечные сентябрьские деньки и начало примораживать, то оказался на Борьке и вот этот малахайище.

Малахай был тоже дедушкин. А точнее сказать, так даже и прадедушкин. Потому что сам дедушка Николай его ни разу, наверное, и не надевывал. Он вынес его Борьке все из той же кладовки, где хранились у него под замком не только яблоки, но и всякий, как часто говаривала бабушка, «столетний хлам».

Правда, малахай на рухлядь походил еще не полностью. Свалывшаяся овечья шерсть из него от времени повылезла не вся, — ошарашивал он в первую очередь величиной своей.

По чьему заказу его сотворил таким необъятным тот давнишний деревенский мастер-шапочник теперь уже неведомо. Можно лишь предпологать, что в старину все мужики в этой деревне, а стало быть, и Борькин прадедушка, были удивительно большеголовыми; но вот когда это сооружение оказалось на самом Борьке, то ему почудилось в первый миг — стоит он под лохматой копной.

Ребятишки в школе еще с крыльца закричали:

— Смотрите, смотрите, малахай идет! Сам по себе малахай на тоненьких ножках в больших сапожках к школе топает!

Но тогда Борьку это не задело ничуть. Приятели его, деревенские ребятишки-школьники, и

сами-то шеголяли в нарядах не лучше Борькиных; и он бы преспокойно похаживал себе в школу в том, что есть, да тут произошло еще одно очень важное событие.

Вернулся по ранению домой с фронта здешний кузнец Иван Лямин, и его сын Вася пришел в школу в танкистском шлеме.

Шлем этот — кожаный, скрипучий, с чудесными кожаными гребешками на макушке — так всех мигом и сразил!

Учительницу на уроках в тот день почти никто не слушал. Все только и шептались про Васинову обнову. На переменках в классе стояли невообразимые шум, толкотня. Все лезли к Васиной парте; все — кто в очередь, кто без очереди — шлем примеряли; а когда прозвучал последний звонок, то из класса никто не вышел, пока с места не поднялся сам Вася. Зато, когда он, наконец, шлем нахлобучил и застегнул снизу на блестящую пуговку, то ребята, как по команде, повалили за Васей на улицу валом.

Даже у деревенской околицы, где общая ребячья дорога начинает рассыпаться на отдельные, каждая к своему двору, тропинки, никто от Васи не отстал, никто домой не повернул, а Вася и сам деловито, важно прошагал мимо своего дома.

На задворках, на берегу здешней речки Тихвинки он сказал:

— А ну, кто со мной по льду кататься?

И все с великою готовностью ответили:

— Я! Я! Я!

Не стал отвечать один лишь Борька. Не стал потому, что ему вдруг сделалось обидно. Обидно оттого, что приглашать всех на лед было не Васино право, а его, Борькино, право. Игру эту, как только речка замерзла, придумал он, и приглашал ребят после уроков на лед всегда он, а тут этот Вася не успел шлем на голову натащить, а уже полез в командиры.

Самое же обидное было то, что первой на Васин клич отозвалась Даша Сапожкова.

Жила Даша Сапожкова всю жизнь рядышком с Борькой, в соседнем через дорогу доме. Они и до школы играли вместе, и в школу пошли вместе, а когда белообрисенную, кругленькую, всегда румяную Дашу все тот же Вася взял да и обозвал однажды не Сапожковой, а Ватрушкиной, то Борька так ему поддал, что тот сразу примолк.

Всех раньше, самой первой показал Борька Даше и вот эту вот игру. Игра была с виду пустяковой, а на самом деле до ужаса прекрасной. Надо было под берегом на мелком заливе среди мерзлой и усыпанной снегом осоки найти ровную, белую прогалину. И вот разбежаться, и, рискуя попасть в полынью, проехаться под треск льда на каблучках по этой прогалине, а потом на темную, пропаханную в снегу дорожку лечь вниз лицом, и глядеть на речное дно сквозь лед.

Бывало так, что там ничего особенного и не видно. Одна только желтая рябь песка на дне, да катящиеся по дну, по течению черные мусоринки, палые листья. Но бывало и так, что лежишь, смотришь, а под тобою, словно странный лес, качаются темно-зеленые водоросли, и вдруг

в этой темноте что-то блеснет, каким-то неуловимым, мгновенным толчком выскочит на светлое место, и — замрет. И ты, ошеломленный, видишь чуть ли не в верхке от глаз своих живую, красноперую, с полосками на боках рыбку.

Когда Борька привел сюда в первый раз Дашу, и они смотрели под лед вдвоем, — им было очень хорошо. Хорошо было и тогда, когда они приводили сюда и других ребят.

А вот теперь Борьке вдруг сделалось обидно. Обидно стало еще больше, когда Вася раньше всех спрыгнул под берег, лихо проехался по льду, закричал:

— Смотри, Даша, что там под моей дорожкой видать!

И Даша послушно подбежала, прикрываясь варежками от дневного света припала ко льду, глянула в речную глубь и засмеялась:

— Ой, какой-то шустренький жучишка...

Вася моментально приткнулся рядом с Дашей, и они стали сквозь лед рассматривать жучишку. Борька насупился.

Борька сердито протопал мимо Даши с Васей, тоже разогнал, тоже пропахал в снегу длинное ледяное окошко, тоже закричал:

— А у меня окунь!

Но Даша и ухом не повела, и головы не подняла, по-прежнему глядела с Васей в одно с ним окошечко.

Тогда Борька разбежался еще шибче, распахал снег еще шире, завопил уже во всю мочь:

— А у меня чудо-юдо рыба-кит, всех жучишек победит! Даже Васю Лямина... Подумаешь, надел шлем, расфуфырился!

И все, кто тут был, все мальчишки, все девчонки сразу насторожились, сразу поняли, что сейчас не миновать драки. И все стали сбегаться, чтобы на эту драку посмотреть.

Да только Вася Лямин ничего Борьке в ответ и не сказал, лишь глянул на него из-под шлема таким сердитым петушком, а ответила Борьке сама Даша:

— Эх ты, Малахайце! Ну чего шумишь, топаешь, отпугиваешь наших жучков... Места мало на реке? Ступай, Малахайце, вон туда за мысок, за ракиты, да там и кричи один... Ступай, ступай!

И Борька в самом деле пошел. Но только не к мыску со светлыми, в инее ракитами, а прямо к берегу.

Молча, расстроено, то и дело осклизаясь неудобными сапогами на крутизне тропки, то и дело подхватывая спадающий с головы малахай, он вскарабкался по изволоку. Никуда не глядя, а только лишь под ноги, прошел всю деревню, протопал через свое крыльцо, через полутемные сени в избу, а там, все так же молча, разделся, сел на лавку и — заревел.

Ревел Борька весь тот день, весь вечер, все уговаривал дедушку не дожидаться предновогодней поры, а ехать на рынок сейчас. Ревел с таким захлебом и так горестно, что дедушка наконец не выдержал, с великою досадой махнул рукой, топнул:

— Отвяжись! Пушай, коли так, яблоки пропа-

дают задарма! Поехали покупать эту разнесчастную шапку... Как будет оказия, как даст колхоз лошадь, так и поехали!

И вот эта оказия сегодня вышла, они едут на станцию сразу и по колхозному делу, и по Борькиному...

Снег сыплется все пуше. Ни слева, ни справа почти ничего не видно. Все мельтешит, все бело — и лес, и поляны, и кустики можжевельника вдоль дороги. Перед Борькиными глазами только дедушкин коробом торчащий воротник да за высоким передком саней колышется широкий, тяжелый круп лошади. Мягкие хлопья снега сразу истаивают на нем, темные струйки по гладкой лошадиной шерсти затекают под ремень шлеи, и шерсть от этого ремня топорщится на крупе мокрым ежиком.

Борька, чтобы подладиться к дедушке, чтобы смягчить недавнюю ссору, заботливо предлагает:

— Давай, дедко, накрою Карюху моим рядом. Ишь как вымокла... Зазябнет.

— Ей и так ничего, — отвечает уже совсем добрым голосом дедушка. — Для нее это привычно. Ей только на месте стоять мокрой нельзя, а на ходу — пустяк. На ходу никто не зазябнет, хоть и тебя коснись. Начнешь дрожжи продавать, на дорогу опять соскочи, за грядок, за сани ухватаешься и — топай! Вмиг разогреешься.

— Ты тоже всегда так греешься?

— Всегда... Да нынче-то что! Нынче мало ез-

жу, а вот когда молодой был, ох и походил за санями сзади, ох и походил.

И дедушка пускается в воспоминания, начинает длинно и подробно рассказывать Борьке, как в молодые годы хаживал с зимними обозами, с кладью чуть ли не до самой Москвы.

— По неделе, бывало, и в темь, и в день, и в мороз, и в метель путешествуешь, и никакая хворь тебя не берет... Топает за санями, на усах иней сосульками настыл, а от спины — пар валит. Жарко!

Борька слушает, поддакивает, а сам думает: раз у дедушки такое мирное настроение, то, пожалуй, можно бы с ним и опять поговорить о шапке. Объяснить о ней самое главное. Это главное до сих пор Борькой еще не высказано. Заключается оно в том, что шапка ему нужна все ж таки не первая попавшаяся, не только лишь бы по голове, как кричал он во время недавнего спора с дедушкой, а мерещится ему тоже что-то этакое расчудесное, ничуть не хуже, чем Васин шлем.

Не хуже может быть только солдатская шапка-ушанка. Ушанка с эмалевой звездой. Но вот можно ли выменять такую шапку даже на самые лучшие яблоки — это вопрос. И Борька боится, что тут и дедушка скажет: «Конечно, вопрос! Да еще и какой!», и поэтому лишь робко напоминает:

— Ты, дедко, не больно там дорожись. Если

за какую хорошую шапку все яблоки спросят, то все и отдавай.

— Что с тобой сделаешь, — отвечает смиренный и даже несколько растроганный воспоминаниями о своей далекой молодости дедушка. — Подвернется хорошая, отдам, не задорожусь, не бойся.

— И выбрать шапку мне самому разреши... Ладно?

— Ладно! — согласно кивает дедушка, но и вновь спохватывается, снова учит: — Все ж поторговаться для начала мы должны. И ты мне со своим теперешним разговором: «Не дорожись, дедко, не дорожись!» — на рынке не приставай. Собыешь цену, тогда и самой худой кепчонки на наши яблоки не купишь... Понял? Стой себе рядом и молчи!

И Борька, теперь уверясь, что дедушка его не подведет, кивает согласно сам.

На рынке Борька бывал всего лишь один раз, да и то давно, перед войной, когда еще не ходил в школу. Ездили они туда вместе с отцом, с матерью. Дело было перед сенокосом, и отец завел их сразу в ряды, где веселые, бородатые мужики торговали всякой самодельной всячиной. Тут продавали и щепные кузова, и корзины, и грабли, и крашенные ложки, и крепкие, звонкие горшки, но отец остановился перед высоченной грудой берестяных лапоточков-ступней. Походили они на головастые, мелкие калошки, и вся их золо-

тисто-яркая пахнущая солнцем и сухой берестой горка так и манила к себе.

Отец схватил одну пару, самую маленькую, поднял над головой:

— Почем удовольствие, хозяин?

Тот, весь праздничный, белозубый, с рыжею бородицей во всю рубаху, засмеялся:

— Сначала примерь!

Отец приказал Борьке скинуть сапоги:

— А ну, вздень вместо них вот эти игрушки. Поедешь со мной на луга, на сенокос — пригодятся.

Борька ступил босыми ногами в берестяные калошки и радостно уйкнул. Было в них так легко и прохладно — хоть сейчас, прямо с места лети по воздуху!

Для матери тоже сразу легонькие обновки нашлись, а себе отец выбирал их долго, обстоятельно. Притоптывал обновкой по зеленой мураве, повертывал обутую ногу и так и этак, а хозяин довольно басил:

— Ты еще и вот эту пару примерь. Эта на другой колодке делана!

Примерно вот так же представляет теперь Борька и будущую покупку шапки. Только лежат все шапки не грудой на земле, а на длинном-предлинном, во весь рынок, прилавке. И он, Борька, вдоль этого прилавка похаживает, свой малахай держит под мышкой и все шапки, не торопясь, примеряет.

Он примеряет, а торговцы наперебой советуют: — Ты еще и вот эту, и у меня посмотри... Эта и поновей, и покладней, и тоже — солдатская.

От такой воображаемой картины настроение у Борьки опять становится прекрасным. Он скидывает варежку, по-хозяйски, заботливо сметает голоу ладошкой снег с пестеря, опять ловит носом яблочный дух, смачно зажмурясь, крутит головой. Потом, подражая дедушке, солидным голосом сам себе говорит:

— Ничего! Проживем и без этого баловства...

Лес между тем кончается. Снегопад затих, стало светлей. Дорога выныривает из-под белых елей в просторную белую долину — и теперь здесь видать все очень далеко.

Впереди тонкая нить железнодорожной линии. За ней белые кровли станционного поселка, светло-синие столбики дыма, кривые, узкие и тоже все будто бы в голубоватом дыму дальние улочки и переулочки.

Где-то там долгожданный рынок, и дедушка сам теперь торопит Карюху. Он даже на колени встал:

— Но-о, залетная! Давай веселей, давай... На рынке сейчас, поди, самый торг.

И Борька вскочил на коленки. Также закричал:

— Но, Карюха, но!

В один миг перескочили на сторону линии. Сани, весело стуча на ледяных раскатах, покатались по широкой улице ввек. Мимо поплыли сугробные палисадники с пушистыми от инея деревьями, по-за тонкими ветвями замелькали мерзлые окошки почти таких же, как в Борькиной деревне, домов.

Малоллюдно и тихо тут было тоже, как в деревне. Раз или два улицу перебежали малыши с саночками, а взрослых вообще не было никого.

«Наверное, на рынке все... — подумал Борька. — Наверное, здешние люди все очень мастеровые и очень торговые. Нашли шапок и теперь вот помчались продавать...»

А когда впереди за углом глухого забора показались наконец ворота с облупленной вывеской «Рынок», то Борька и совсем встал на ноги, совсем навалился на дедушку, все пытаясь заглянуть за эти ворота раньше времени.

Засуетился и дедушка.

Он потянул за лямки пестерь, установил себе под самый бок и даже полой тулупа прикрыл.

— А ты, Борька, садись на мешок с рожью. На рынках такие подлеты попадают, не успеешь моргнуть — мешок свистнут! Не поглядят, что казенный... А впрочем, меня не больно проведешь, я тертый калач! — неожиданно храбро заключает дедушка.

И вот так вот рысцой, на всем на полном Карюхином ходу они въезжают в распахнутые настежь ворота.

Въезжают, и вдруг дедушка перепуганно тпрукает.

Лошадь встает, дедушка замирает, рядом с ним замирает и Борька.

Санная дорога проходит через рынок напрямую и куда-то дальше, как через пустое поле. На рыночной площади — никого, хоть «ау!» кричи. Меж

длинных рядов свежий снег. Бежит по этому снегу одинокая, остроухая собачонка — безо всякого азарта, лениво взлаивает на прибывших.

За щелястыми навесами, за накрест заколоченными ларьками стучает какая-то дверь. Медленно, хрустя по снежной тропе валенками, из-за этих построек выходит старик. Он долговязый, узкоплечий, похож на сухую жердь в просторном, обвисшем полушубке; но шагает начальственно, судя по всему — он здешний караульщик.

Громким голосом еще издали он спрашивает дедушку:

— Пошто, паря, приехал? К кому?

А дедушка придти в себя не может, дедушка разводит руками.

Наконец выговаривает:

— Разве торговли сегодня нет?

Караульщик хотя и очень строг на вид, да, похоже, глуховат.

— Пошто, пошто?

— Я говорю, торговли сегодня разве нет? — повторяет криком дедушка, и седой караульщик сразу смягчается.

— А-а... Нету, сокол, нету... Давно нету! Ни сегодня нет, ни вчера не было, ни позавчера... Как пошло с той зимы все тишае, да тишае, так вот теперь и совсем, считай, стихло. Да и чем, кому теперь торговать?

— А шапками? — тоже кричит, чуть ли не плачет Борька. — А шапками? Ведь говорили, тут шапку выменять можно...

— Было! — сразу соглашается старик. — Что было, то было. В то время, как заводской люд мимо нас на Урал ехал... Вот тогда, верно, если ихний эшелон здесь, на станции, задержится, так они, бывало, на хлебушко — все свое променяют!.. А теперь — нет. Теперь, слава те, на фронте, слышь, наша берет.

И тугоухий, но в общем-то очень, должно быть, разговорчивый, очень, должно быть, наскучавшийся один среди полузаброшенных ларьков, он снова тянется к дедушке:

— Нынче, знаешь, кого больше-то сюда привозят, да тут и ссаживают? Ребятишек... Тех, что в самом полуме-огне родителей своих порастеряли, вот их к нам и везут... Кого — к нам, кого — чуть подале, в район, в Батурино... Ты на вокзале у нас случаем еще не бывал? С гостями с такими с нашими не встречался?

Но дедушка почти уже и не слышит старика, дедушка бормочет свое:

— Вот беда... Вот горе!

Старик, полагая, что речь идет все еще о тех же ребятишках, кивает:

— Конечно! Война и по малым бьет!

И тогда дедушка кричит опять, кричит сердито:

— Да у меня беда-то, у меня! Располагал, собирался, ехал, насулил внуку всякова Якова, а появился — пусто.

— Ну-у, это еще ничего... — разводит руками караульщик. — Это еще не горе. Ты, похоже, паря, и в самом деле с настоящим-то, с нынешним горем не очень чтобы и видывался... Разве это беда? Это — по нынешним меркам — пустяк.

И вдруг спохватывается, что дедушка на такие

речи может рассердиться совсем, опять ласково, даже искательно заглядывает ему в лицо:

— А ты не продукт ли какой привез, а? В обмен на шапку... Так моя, конечно, не гожа, но ты сделай, соколик, милость — продай мне чего-нибудь и на денежку... Продай хоть чуть-чуть... Что у тебя здесь?

И старик приглядывается к пестерю, ощупывает осторожно мешок с зерном, на котором сидит печально Борька.

Дедушка вмиг настораживается, хватая одной рукой вожжи, другой — отпихивает старика.

— Но, но! Отойди, отойди... Ишь чего приговаривал, ишь чего запел! Сначала, значит, «ребятишки», а теперь и сам куда не надо полез... Отойди, елки-моталки! Говорю — отойди!

— Да ты что? — опешил старик.

— А я рассказываю, отойди!

И дедушка так круто разворачивает Карюху, что оглобли трещат; и он гонит лошадь обратно за ворота на пустынную улицу.

Борьку в санях бросает из стороны в сторону, но он даже не держится, ему все равно. На душе у Борьки теперь такое — лучше бы зареветь.

Колхозную рожь на заготовительном пункте сдали скоро и тут же поехали домой.

Пока рожь сдавали — все молчали.

Едут они по кривым, обратным переулкам и теперь молча.

Дедушка сидит, нахохлясь, думает о том, что зря вот он сунулся в воду, не спрося броду, зря понадеялся на давние слухи и поехал на рынок, ничего загодя не разведав; а Борька сидит к нему спиной, тоже думает о чем-то своем.

И лишь Карюха устало, но громко, нет-нет да и фыркнет на ходу, как бы стараясь этим подбодрить и себя, и своих печальных седоков.

А когда выбрались на главную улицу, на самый верх ее, когда стало видно внизу и знакомый переезд со шлагбаумами, и каменный вокзальчик вдалеке и другую, тоже выбегающую тут к переезду дорогу, то дедушка наконец-то поворачивается к Борьке и конфузливим, тихим голосом говорит:

— Чего уж теперь... Чего уж... Ты, Борька, не расстраивайся.

И подпихивает пестерь к внуку ближе:

— Вот, поройся-ка в сенце-то да яблочка вынь... Вынь, вынь! От одного не шибко и убудет...

Но Борька, не поднимая лица от острых колёнок, лишь медленно водит своим низко нахлобученным малахаем: «Отстань, дедко... Не хочу...»

— Ну и правильно! Ну и правильно! — суетливо и моментально соглашается дедко. — Очень даже правильно. Мы еще, знаешь, куда с ними махнем? Мы в Батурино махнем. Там рынок должен быть, там — людней.

И сперва все с той же виноватинкой в голосе, а затем и расходясь все больше, и утешая уж не столько внука, сколько самого себя, он шумит:

— Этот долдон-караульщик тоже хорош! «Настояшшова го-оря ты, паря, не видывал... Настояшшова го-оря ты, сокол, не знаешь...» Тьфу! Это я-то не знаю? Это мы-то не видывали? Нет, видывали, знаем, и — даже терпеть умеем! Верно,

Борь, верно? Вот то-то! А яблочко одно все ж таки возьми...

И, не обращая внимания на то, что Борька на него не смотрит и ничуть ему ни в чем не поддакивает, он лезет рукой под крышку пестеря в сено, долго роется там, и вот вынимает очень крупное, очень спелое, очень тяжелое яблоко.

Яблоко так чудесно, что дедушка и про Борьку на миг забывает, и забывает про все.

Приходит он в себя лишь тогда, когда слышит рядом с собой топот чужих коней и скрип полостей.

С той, с другой улицы, со стороны вокзала на общую дорогу у переезда втягивается очень длинный обоз, и дедушка, спохватываясь, дергает вожжи, думает проскочить вперед.

Но шлагбаум на этот раз предусмотрительно закрыт, и головная лошадь обоза, и ходкая Карюха чуть ли не упираются в этот шлагбаум хомутами.

— Тпру-у... — катятся по всему обозу все дальше и дальше к самой последней, к самой дальней подводе звонкие на холоде голоса, и дедушкины сани почти сталкиваются грядок о грядок с такими же широкими, чужими розвальнями.

С них прыгивает женщина-возчик, бежит к своей лошади, берет ее под уздцы, а дедушка как сидит, так и остается сидеть на своем месте.

Он остается сидеть потому, что видит: прямо перед ним, прямо вот тут на чужих санях, так близко, что и рукой дотронуться можно, вдруг начинает шевелиться высокий ворох толстых, теплых укуток, и оттуда тихо, робко выглядывает маленький мальчик.

Он маленький и очень слабый. Он похож на одинокого птенца в гнезде, он такой заморенный, что дедушка перепуганно и тоже тихо охает, почти беззвучно говорит:

— Ох, голубь ты мой милый! Да ты хошь откудова?

А Борька на мальчика смотрит тоже, и тоже хочет спросить: «Ты чей?» — но видит, что темные, огромные глаза мальчика глядят совсем и не на него — на Борьку, и даже не на дедушку, а на позабыто опущенную дедушкину ладонь, на сочное яблоко в этой ладони.

— Отдай, дедушка... Вместо меня ему отдай... От одного, сам говорил, не убудет... — торопливо шепчет Борька, но и тут же опять замирает.

Замирает оттого, что видит теперь: почти вплотную с тем мальчиком возникает еще и девочка, и еще одна девочка, и еще мальчик, и еще, еще...

Они тоже глядят на яблоко, а со следующей подводы, и со второй, и с третьей, и с четвертой — не только глядят, а уже и подают негромкие голосашки:

— И нам, дедушка... И нам...

И вот стоит дедушка Ложкин в своих санях с яблоком в руке, стоит над полуоткрытым пестерем и не знает, что делать.

Не знает, что подсказать дедушке и Борька.

А уже к переезду, все сильнее ухая и грохая колесами по стальным рельсам, мчится поезд.

Он грохочет так, что у переезда все заметнее и заметнее начинает подрагивать земля.

В САЯНАХ, НА ЕНИСЕЕ

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА ХУДОЖНИКА

Тысяча человек строят плотину — рабочие, инженеры. Что такое ГЭС?... Это прежде всего плотина, которая перекрывает реку. Плотины бывают насыпные, из земли, и бетонные. Саяно-Шушенская плотина строится из бетона. Поэтому рядом со строительной площадкой, чуть ниже по течению, построен бетонный завод. Это самый большой в нашей стране бетонный завод.

Завод производит бетонную смесь. В жидком виде она доставляется на плотину, там ее выливают в специальные формы, смесь застывает и вот в застывшем виде это уже бетон.

Бетонная смесь делается из гравия, песка, цемента и воды. Все необходимое для этого есть на месте. Гравий добывается в сорока километрах от завода в карьерах и по железной дороге доставляется на завод. Все это производство вместе называется КБХ — карьеро-бетонное хозяйство.

КБХ — основа всего строительства: КБХ доставляет материал, из которого состоит огромное тело плотины.

Бесперывной цепью бегут по дороге труженные бетонной смесью машины. В горе прорыт тоннель, сокращающий путь к плотине. Нырряют машины в тоннель и вынривают

уже на самой плотине, выливают смесь и — обратно.

Стучат по доскам молотки плотников. Плотники делают большие ящики. В ящики наливают бетонную смесь. Смесь застывает и получаются бетонные громадины правильной формы — блоки. Из блоков — плотина.

Воют сирены грандиозных кранов — тяжелый груз под стрелой. Растет плотина. Поднимается Енисей, и все сильнее и сильнее напирает на плотину вода. Бурлит, бьшует паводок внизу под плотиной, там, где вырывается наружу, пройдя сквозь тело плотины, через водослив, вода. Она как будто кипит в громадном котле, а не будь этих водосливов, тяжело пришлось бы плотине. Конечно, с самой плотиной бы ничего не стало, вода просто перехлестнула бы через нее — и все, что на гребне плотины, — гигантские краны, самосвалы, бульдозеры, вагончики строителей... Даже страшно представить, что бы тогда случилось.

Поэтому и сделаны водосливы.

Одновременно с плотиной строится здание ГЭС.

Это, собственно, сердце плотины. Это там-то и рождается электричество. Это туда будут направлены десять мощ-

ных водоводов. По водоводам пойдет енисейская вода и закрутятся десять могучих турбин. Эти турбины делают в Ленинграде.

Ленинградские турбины славятся на весь мир. Они работают во многих странах, дают ток на реках Африки и Америки. Сейчас наши специалисты монтируют турбины в Бразилии и Аргентине.

Когда начинали строить плотину на могучем Енисее, сразу же к месту строительства были подведены дороги, установлены высокие электрические мачты на крутых енисейских берегах. Прошло время, и сейчас по тем самым проводам, по которым шло электричество к плотине, пошел ток в обратном направлении. Плотина начала отдавать свой долг. Уже вовсю работают две турбины и готовится к пуску третья.

Когда смотришь на плотину со стороны, то совсем не ощущаешь ее масштаба, это, вероятно, потому, что одновременно с плотиной видишь все, что ее окружает, — крутые, заросшие тайгой склоны гор, цепи голубоватых Саянских хребтов, русло могучего Енисея, бескрайний небесный купол надо всем этим. А сама плотина воспринимается частью этого необозримого зре-

Бетонный завод

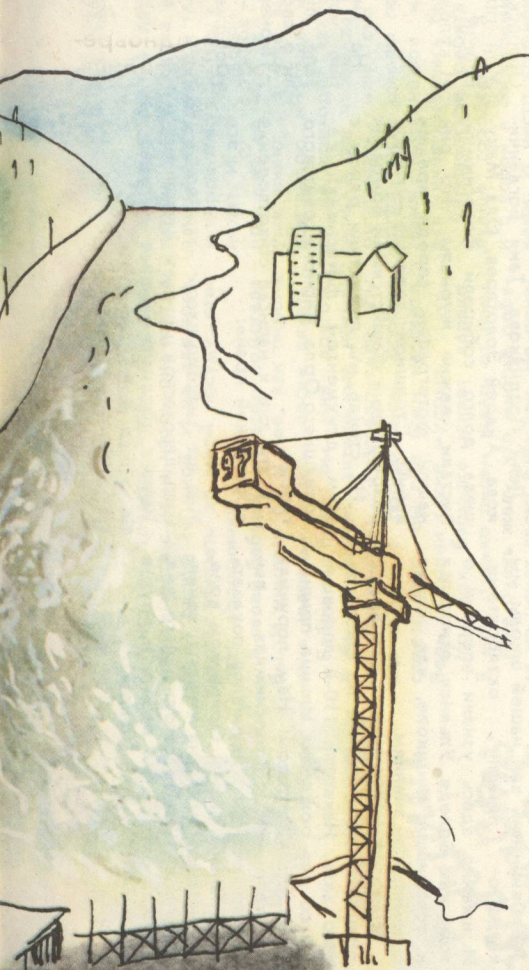

лица. Но зато, когда ты попадаешь к самому подножию плотины и твой взгляд не может одновременно охватить даже половины сооружения, а крутые енисейские берега только небольшими кусочками проглядывают сквозь конструкции из бетона и железа, тут ты можешь ощутить всю ее грандиозность. Ты стоишь у подножия этой крепостной стены, — да куда там! Не было еще таких крепостей! — стена сейчас почти полтора метра высотой. А вырастет до двухсот сорока.

Утро. По небу растянулись розовые перистые облака. Небо перекрещено стрелами кранов, а на земле возле плотины так оживленно, как на каком-нибудь шумном городском перекрестке — грузовики, автобусы.

Из автобусов высаживается смена рабочих. Несколько легковых машин остановилось возле двухэтажного голубого домика. По выносной лестнице, ведущей на второй этаж, веревницей взбираются энергичные

с высоты плотины

люди. Через несколько минут начнется утренняя планерка в штабе строительства. Тут за длинным столом соберутся руководители стройки и будут говорить о том, что было сделано за предыдущие сутки, о том, что предстоит сделать сегодня.

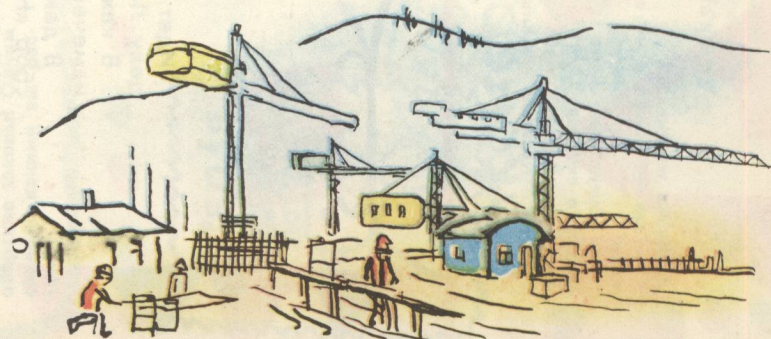
На наших головах оранжевые каски, на ногах резиновые сапоги, перед нами «крепостная стена», мы идем на штурм крепости.

Людей на самой стене почти не видно, только кое-где мелькнет оранжевая каска, как божья коровка, каким-то чудом залетевшая сюда, и кажется удивительным, что это грандиозное сооружение — дело рук вот этих маленьких кое-где рассыпанных по нему точек — людей.

Стена уступами. С уступа на уступ лестницы. Металлические ступеньки, металлические перила. Гудят под ногами ступеньки, шумит внизу паводок,

завывают сирены кранов, равномерно содрогается все тело плотины, она как будто живая. Но по лестницам высоко не поднимаешься, они сделаны для коротких подъемов. А чтобы подняться на самый верх плотины, нужно зайти в лифт. Таких лифтов несколько, и берут они сразу помногу пассажиров. Они похожи на наши городские выносные лифты, которые пристраивают к старым домам. Захлопнута оранжевая дверь лифта, прозвенел какой-то звоночек, и все поехало вверх. Все шире и шире разворачивается панорама строительства, как будто вздыбилось перед нами русло Енисея с несущимися по нему хлопьями паводковой пены, показались вдалеке Черемушки, приблизились пихты и лиственницы на вершинах крутых берегов, и мы оказались на самом верху плотины.

Г. КОВЕНЧУК
Рисунки автора

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

ФАБАН

Пионеры всей страны гонимы Ленину верны!

Моя Родина-
СССР

Идет Всесоюзный марш пионерских отрядов «Пионеры всей страны делу Ленина верны!».

В каждой пионерской дружине, в каждом пионерском отряде были намечены конкретные дела на всех пионерских маршрутах.

В день открытия XXVI съезда КПСС пройдет Всесоюзный пионерский сбор «На коммунистов равняем шаг!». Комсомольцы и пионеры расскажут о своих успехах на Марше.

ПРИНИМАЕМ ЭСТАФЕТУ!

В Ленинский зал нашей школы мы когда-то пришли октябрятами. И именно здесь узнали впервые о том, как Володя Ульянов относился к товарищам в школе, как жадно стремился к знаниям.

Когда мы стали пионерами, получили свое задание по оформлению зала. Накануне 110-й годовщины со дня рождения Ильича пришли сюда всем отрядом. Нам поручили наглядно — на фотоснимках, вырезках из газет и журналов показать перемены в нашем Орловском крае, начиная со времени первых ленинских декретов до сегодняшнего дня. Дружно взялись за работу и другие пионерские отряды, школы.

Лена Позднякова, Таня Богданчикова, Андрей Золотарев, Оля Макушева долго собирали фотоснимки, листали свежие журналы. Это они нашли фотографии города времен войны. Страшное зрелище — город, разрушенный фашистскими бомбами.

На стене мы поместили рядом с этим документом фотоснимки сегодняшнего Орла, мирного советского города.

В эти дни я написал стихотворение «Орловский край»:

Мне все знакомо здесь: луга, поля,
Синь перелеском и ручьев журчанье,
Речных разливов вешнее дыханье
И теплая набухшая земля.

Орловский край, Орловщина, Орел.
Мой тихий город посреди России.
Березы, реки — белое на синем.
И купол неба, и души простор.

На линейке, посвященной открытию новой экспозиции Ленинского зала, пионерские отряды рапортовали о своих делах на Марше.

Пионеры поблагодарили своих шефов — комсомольцев завода «Продмаш» — за большую помощь.

Сергей Жилин,
председатель совета дружины
школы № 22,
город Орел

Пионерская елка в Киеве в доме № 12 по улице Ульяновых. В этом доме находится мемориальный музей-квартира. В 1903—1904 годах здесь жили мать и сестры Владимира Ильича Ленина.

В семье Владимира Ильича всегда любил праздники елки. Старшая сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова-Елизарова вспоминала: «Какое-то особенное чувство тесной, дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставал этот праздник».

В этой квартире обычно проводятся торжественные линейки пионеров, прием в комсомол. А недавно возникла традиция — устраивать новогоднюю елку как когда-то. Наряжают елку пионеры одной из киевских школ.

Какими вы будете?
Мамы!

О чем ты мечтаешь!
Как относишься к своему
основному делу — уче-
бе! Как выполняешь пи-
онерские законы! Одним
словом, какими вы рас-
тете!

ДЛЯ ЧЕГО В СЕМЬЕ БАБУШКА

Мне так хочется, чтобы бабушка жила вместе с нами, чтобы она всегда была рядом со мной. И не для того, чтобы убирать за мной посуду, стирать воротнички.

Я своей бабушке во всем помогала бы. И училась бы у нее, как пироги печь, варенье варить, носки вязать. Бабушка была бы мне другом. Я бы ей книжки интересные носила из библиотеки. Разговаривали бы мы с ней о прочитанном. Вообще советовалась бы обо всем на свете. Ведь бабушки такие мудрые.

Но моя бабушка живет далеко. Я могу только писать ждать от нее... Мне очень жаль, что многие ребята не ценят своих бабушек. Не понимают, как им повезло, когда бабушка рядом.

А что думают о своих отношениях со взрослыми другие ребята? Напишите «Барабану». **Маша Павлова,**

7-й класс, школа № 52,
Ленинград

О ТРУДЕ И О НАДЕЖНОСТИ

Летом я был в деревне. Уже не первый раз. И снова удивился тому, как много трудятся там ребята. Они и коров пасут, и траву косят, и дрова пилят. И все с охотой... Никто из них при мне не ныл: «Я уже косил... я уже пилил... я уже выносил мусорное ведро...» И еще: никому в голову не приходит хвастаться сделанным. А уж чтобы за кого-то брюки отпаривали или суп разогревали, когда после школы придут! Да над таким мальчишкой или девчонкой вся улица смеялась бы.

Деревенские ребята мне кажутся лучше городских. Я сравнивал их и с собой и со своими одноклассниками. И часто сравнение было не в нашу пользу. Я думаю, что именно тот, кто любит трудиться, — надежный человек. Он не только начатое не бросит, он и друга не бросит в беде.

Алеша Булатов,
8-й класс,
школа № 64,
Ленинград

«Если хочешь
быть здоров...»

**Рисунок
Иры
Баскаковой,**
Архангельская
область

При Дворце пионеров Еревана, столицы Армянской ССР, есть клуб, который сами ребята назвали «Костер». При клубе активно действует наш юнкорский пост.

В канун Нового года редакция получила десятки поздравлений. И среди них несколько совершенно конкретных пожеланий. «Хочу, чтобы каждый школьный день был очень интересным» (**Вариск Микаэлян,** школа № 130), «...чтобы в отряде не было ни одного отстающего ученика» (**Гоар Аракелян,** школа № 2), «...чтобы ребята в новом году стали дружнее и уступчивее» (**Нунча Бохиян,** школа № 143), «...чтобы восьмиклассники сдали экзамены на «хорошо» и «отлично»» (**Нерсес Оганесян,** школа № 13).

НАШ КИД

Почтальон никогда не проходит мимо первой средней школы молдавского поселка Лазовск: школьный КИД получает много писем. Приходят они отовсюду, особенно часто из Белоруссии, Прибалтики и Узбекистана. Есть письма из-за рубежа, от друзей из Чехословакии, Болгарии, Румынии...

Кидовцам не только пишут в Лазовск, к ним приезжают в гости. В межшкольном лагере в Чехословакии побывал и наш кидовец Виталий Миронюк. На заседании клуба он долго рассказывал о жизни чешских пионеров. Собственные впечатления, конечно, всегда ярче прочитанного. Рассказ был только началом заочного путешествия по Чехословакии. Пригласили мы к себе в гости и взрослых наших земляков, побывавших в ЧССР. Устроили выставку сувениров, книг, газет, значков, марок.

Павел Адамчук,
школа № 1,
село Григоровка,
Лазовский район
Молдавской ССР

СКОРОГОВОРКИ

Ворон рвал во рву ремень,
рвал проворно ровно день.

На машине мышь и Нина,
вот какая мешанина.

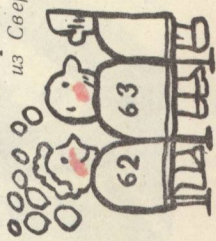
Прислала
Зина Остапова
из города Тольятти

Учитель:
— Какую форму имеет земля?
Ученица:
— Шариковую...

Прислала
Ира Грабовская
из Тольятти

Прислал
Игорь Савельев
из Свердловска

Учитель:
— Решил задачу? Скажи ответ!
Ученик:
— В зале было 63,5 зрителя.

Один мальчик купил пылесос «Ветерок». Он у него забарахлил. Бабушка сказала:
— Только деньги на ветер выбрали.
— Не на ветер, а на ветерок, — возразил мальчик.

Прислал
Дильнур Абляев,
город Чирчик,
Ташкентская обл.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ СБОР

посвящается открытию XXVI съезда
Коммунистической партии Советского Союза

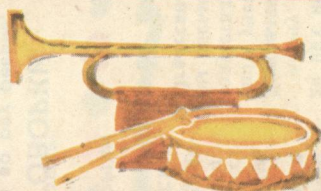
«...Учитесь, чтобы знать, учитесь, чтобы уметь, учитесь, чтобы творить и бороться за то, что близко вашему сердцу и вашей душе. Растите здоровыми, крепкими. Закаляйте себя в спорте, в походах, в труде. Будьте умными, смелыми, отзывчивыми.

Становитесь в ряды борцов за народное дело, за мир на земле. Будьте настоящими людьми!» — так сказал на встрече с пионерами в Артеке Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.

Делом чести каждого пионерского коллектива стало участие в создании Рапорта Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина партийному съезду. Рапорт — не просто перечень полезных, нужных Родине дел. Это и рассказ юных ленинцев о своей учебе, о работе на всех маршрутах Всесоюзного пионерского марша «Пионеры всей страны делу Ленина верны!»

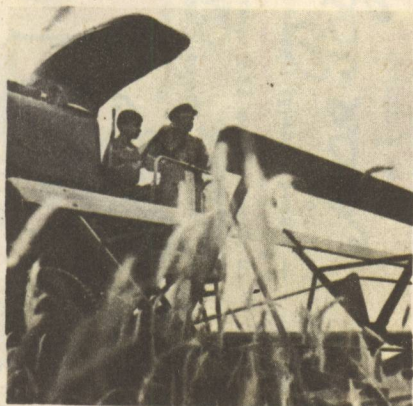
УЧАСТВУЕМ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ
"БЕЛЫЙ ВЕЛИКАН". САМИ КЛЕТКИ ДЛЯ КРОЛИКОВ
СТРОИМ, САМИ КОРМА ЗАГОТОВЛИВАЕМ.
НАШИ ФЕРМЫ—ПИОНЕРСКИЕ.

СОВЕТ ДРУЖИНЫ ШКОЛЫ № 5, КИШИНЕВ

КРАСНОЙ СТРОКОЙ В РАПОРТ СЪЕЗДУ ВПИСАНЫ
ЛЕТНИЕ ТРУДОВЫЕ ДЕЛА ПИОНЕРОВ РОССИИ.
И 600 000 ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ РАБОТАЛИ
В СОСТАВЕ УЧЕНИЧЕСКИХ БРИГАД.
В КАЖДОЙ БРИГАДЕ БЫЛО ПИОНЕРСКОЕ ЗВЕНО.

ГАЗЕТА "ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА"

20 000 ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ НАШЕГО КРАЯ
ПОМОГАЛИ УБИРАТЬ УРОЖАЙ.
6 МИЛЛИОНОВ ТОНН ЗЕРНА НАМОЛОТИЛИ
СТАРШИЕ ШКОЛЬНИКИ.

УЧАСТНИКИ ОПЕРАЦИИ "ЗЕРНЫШКО"
ЮНКОРЫ ГАЗЕТЫ "ЮНЫЙ ПИОНЕР"

ВСЯ ПИОНЕРСКАЯ ДРУЖИНА СОБИРАЛА МЕТАЛЛОЛОМ. ЛУЧШИЕ СБОРЩИКИ
ПРИГЛАШЕНЫ УЧАСТВОВАТЬ ВО ВСЕСОЮЗНОЙ ПЛАВКЕ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ОТКРЫТИЮ СЪЕЗДА.

ПИОНЕРСКАЯ ДРУЖИНА ШКОЛЫ № 1 ИМЕНИ В.И.ЛЕНИНА, ГОРОД УЛЬЯНОВСК

ЕЩЕ ДВА БРАТЯ И ОДИН ДРУГ

ПОВЕСТЬ

Вера БАДАЛЬСКАЯ

Рисунки А. Ивашенцевой

НАШ КЛАСС — САМЫЙ ЛУЧШИЙ ИЗ ВСЕХ!

Все знают наш второй «А» класс.

Если в школе происходит что-то из ряда выходящее — тут же бегут жаловаться к нашей учительнице. А это несправедливо, ведь не всегда же мы виноваты. Но в школе привыкли, чуть что — сразу на нас, а учительнице из-за этого только лишние неприятности. А мы вовсе не хотим ее расстраивать. Вот почему, если кто-то прибежит на нас жаловаться, а мы не виноваты, мы поднимаем большой шум.

Нас в классе двадцать пять. Тринадцать девочек и двенадцать мальчиков. Все мальчишки — что надо. Девочки — тоже, но, конечно, не все. Некоторые — ничего, но есть и такие, что задирают нос, изображая из себя принцесс, или вдруг ни с того ни с сего начинают рыдать.

Плаксы эти хуже всего. Если какая-нибудь распустит нюни, ясно, что сейчас будет скандал и кому-то влетит от учительницы, потому что она всегда на стороне девочек.

Я никак не могу понять — почему? Моя сестра Магда никогда не плачет и не строит из себя принцессу. И поэтому ее все любят.

Мой самый большой друг — Рыбка. Вообще-то его зовут Рафал Карпинский, но мы все называем его Рыбкой. Он очень смешной, и с ним всегда ужасно весело. Мы с Рыбкой сидим на одной парте с первого класса и еще ни разу не поссорились, хотя часто спорим друг с другом.

В этом году мы в первый же день после каникул заняли парту в самом конце класса, у окна. Нам с Рыбкой очень нравилось там сидеть, но нашей учительнице почему-то казалось, что это нас отвлекает. И через несколько дней она пересадила нас с последней парты на первую.

Вначале мы чувствовали себя там страшно неуютно, но сейчас уже ничего... И наша учительница теперь не так уж часто делает нам замечания и все реже повторяет, что мы будто бы не обращаем внимания на ее замечания.

А Божена с Анкой, которые сидят сзади, уже не бегают без конца жаловаться, как это было вначале. Видно, привыкли к нам...

Вообще-то наша учительница очень хорошая, только есть у нее один недостаток. Она все время повторяет, что мы должны брать пример с Роберта.

Роберт — наш самый лучший ученик. Но страшный эгоист! Никогда никому не хочет ни в чем помочь. Старается все сделать лучше других. А когда кто-нибудь из ребят не очень уверенно отвечает у доски, Роберт смотрит на него и смеется. И тогда уже думаешь, не о том, чтобы правильно ответить, а хочется подойти и дать этому Роберту в ухо. Ведь нельзя же думать сразу о двух вещах, особенно когда стоишь у доски. Зато, если кто-то отвечает хорошо, тут уж Роберт делает вид, будто он ничего не слышит. Опустит голо-

ву, и сразу становится понятно, что он не очень-то доволен.

Больше всего Роберт был бы счастлив, если бы на уроках спрашивали только его. К каждому уроку он готов — это правда, но нас ужасно раздражает, что он все время тянет руку. Даже когда мы пишем диктант. Хотя в этот момент учительница никого ни о чем не спрашивает, а ходит по классу и диктует.

Один раз даже она не выдержала и сказала: — Роберт! Опусть, наконец, руку. Ты похож на семафор!

Мы все засмеялись, конечно, кроме Изы.

Дело в том, что Иза всегда заступает за Роберта. Она считает, что Роберт самый умный и самый красивый мальчик в классе.

Рыбка как-то сказал, что у Роберта в голове электронная машина, и она так запрограммирована, что в начале урока включает ему руку, а на перемене — выключает. И тут уже ничего не поделаешь.

Надо чтобы кто-то объяснил нашей учительнице, что мы не можем брать пример с Роберта. Вот было бы смешно, если бы все ребята сидели с поднятыми руками! Во-первых, нам было бы неудобно, а во-вторых, как учительница смогла бы определить, кто из ребят на самом деле подготовлен и хочет отвечать, а кто нет? Вот ей пришлось бы поломать себе над этим голову! Мы решили, что Рыбка прав, и не стали брать пример с Роберта, хотя наша учительница очень бы этого хотела.

Только Иза берет с него пример. Но тоже не всегда, потому что она не особенно сильна в математике. А Роберт не очень-то спешит объяснить, если Иза что-нибудь не понимает, хотя он ей нравится, и они сидят вместе с первого класса.

Но это их личное дело, я вмешиваться не собираюсь.

Лично мне нравится Моника. У нее прическа — конский хвост, и она носит джинсы.

Я-ХОРОШИЙ ТОВАРИЩ

Перед уроками наша учительница сказала:

— Сегодня к вам придет новый ученик. Он приехал из Вроцлава. Его родители уехали за границу, а он живет у бабушки и будет ходить в нашу школу. Постарайтесь ему помочь и примите его, как хорошие товарищи. Надеюсь, что все будет в порядке.

Мы даже обрадовались появлению нового ученика и обещали учительнице все, что нужно. Она тоже была довольна тем, что мы рады, и рассказала нам еще о том, какой новенький мальчик воспитанный, как прекрасно учится, что в табеле у него одни пятерки, и что мы наверняка

подружимся... ну, и дальше в таком же духе. Когда учительница закончила, встал Вальдек и заявил, что она может не беспокоиться, потому что он сам готов заняться этим новеньким и все будет «о'кэй»!

Когда учительница услышала это «о'кэй», вот тут она по-настоящему забеспокоилась. Дело в том, что Вальдек самый большой хулиган в нашем классе. Маме Вальдека часто приходится являться в школу и выслушивать, что там нового Вальдек натворил. Слушать такие вещи не очень-то приятно, и, вероятно, поэтому мама Вальдека всегда такая грустная и никогда не улыбается.

Вот почему учительница сразу же сказала:

— Спасибо тебе, Вальдек, но я предпочитаю, чтобы кто-нибудь другой занялся этим новеньким.

— Не хотите, не надо! Было бы предложено, — грубо ответил Вальдек и с грохотом сел за парту.

Учительница только посмотрела на него, вздохнула и начала проверять по журналу, все ли присутствуют на уроке.

Мы с нетерпением ждали новенького, и вот, наконец, он пришел.

С виду он выглядел обыкновенно. На нем были джинсы, за спиной ранец и голубые глаза. Понятное дело, что глаза у него были не за спиной, а там, где им полагается быть.

А вообще-то он вовсе не был похож на того идеального мальчика, о котором нам рассказывала учительница. Наоборот. Я сразу сказал Рыбке, что не такой уж он примерный, этот новенький. Как только он вошел в класс, так прямо с порога начал рассматривать Ханку. Ханка Рожко — это самая красивая девочка в классе и почти все в нее влюблены. А больше всех Рыбка.

Учительница представила нам новенького. Мы узнали, что его зовут Филипп Гарстецкий.

Потом встал Роберт, который у нас староста и умеет себя вести, и сказал:

— Я приветствую тебя от имени всего нашего класса и желаю успехов в работе и личной жизни.

Честное слово — он поприветствовал этого Филиппа, словно тот был каким-нибудь министром, но нам это понравилось, потому что на все приветствия ушло чуть ли не полурока математики. Я должен сказать, что после каникул все эти сложения, вычитания с трудом лезут нам в голову. Учительница даже беспокоится, что с нами будет дальше.

После того, как мы торжественно встретили новенького, учительница начала думать, куда же его посадить. В конце концов она сказала Рыбке, чтобы он пересел на третью парту к Адриану. У Рыбки даже лицо перекосилось. Адриан — маленький сынок, никто с ним не хочет сидеть.

Ну так вот, учительница велела Рыбке, чтобы он сел рядом с Адрианом, а новенькому сказала:

— Ты, Филиппок, садись рядом с Ендрекком. Ендрек — хороший товарищ.

— Филиппок-пок-пок, — буркнул Рыбка, потому что он был зол на него из-за того, что ему пришлось пересаживаться. К счастью, учительница этого не слышала. Но новенький услышал. Он посмотрел на Рыбку и показал ему язык. Потом снял ранец, сел рядом со мной и вынул из ранца

тетрадь. Я тоже не очень-то был доволен тем, что от меня пересадили Рыбку. Нам с ним вместе было хорошо. Но мне понравилось, что учительница так обо мне сказала, что я хороший товарищ, поэтому я поздоровался:

— Привет! — и отодвинулся, чтобы Филипп мог сесть поудобнее.

Филипп сказал:

— Привет! — и сел.

И начался урок.

Учительница написала на доске задачу и объяснила, как ее надо решать. Я не очень внимательно следил за тем, что она говорит, потому что хотел быть настоящим товарищем.

Я вытащил из ранца племя индейцев, которое мне подарили на день рождения, и по очереди начал вынимать из коробки фигурки и ставить их на парту. Потом я толкнул локтем новенького.

— Это команчи, — объяснил я тихо. — Это вождь Ас-ко-лях, что по-индейски значит Медвежье ухо. А вот его воины. Вождя можно узнать по украшению из перьев на голове...

У Филиппа прямо глаза разгорелись. Он по очереди осмотрел каждую фигурку, подержал в руках всех воинов и вигвамы, и даже костер и кусты. Потом мы начали на блокноте для рисования устанавливать индейскую деревню. Жалко, что прозвенел звонок и нам пришлось выйти из класса.

На перемене мы ходили вместе с Филиппом по коридору. Он мне рассказывал о своих товари-

щах и спрашивал, как зовут мальчиков и девочек из нашего класса. А я по очереди о них рассказывал. Он угостил меня жевательной резинкой, из которой можно было надувать пузыри. Она была в цветной бумаге с нарисованным селезнем Дональдом из мультфильма и по вкусу напоминала какой-то фрукт.

Нам в школе нельзя жевать резинку, но я об этом Филиппу не сказал. Зачем его огорчать? Я не хотел быть плохим товарищем.

Вот мы и жевали ее оба и смотрели, кто из нас надует пузырь побольше и у кого он громче лопнет. Но это продолжалось недолго, потому что нам сделали замечание и пришлось жевательную резинку выбросить в мусорную корзинку.

На польском мы писали диктант: Учительница ходила по классу и диктовала, а когда она поворачивалась к нам спиной, мы одной рукой писали, а второй заканчивали устанавливать деревню.

Двигалось это дело у нас медленно, потому что мы должны были все время прерываться и следить за тем, чтобы учительница не заметила, чем мы занимаемся.

Когда мы кончили писать, я посмотрел в тетрадь Филиппа и подумал: какой же он хороший ученик, если пишет, как курица лапой. А к тому же делает ужасные ошибки. Я хотел одну ему даже показать, чтобы он исправил, но не успел, потому что учительница как раз подошла к нашей парте, посмотрела мою и Филиппову тетради и нахмурила брови. Тут она остановилась, взяла

мою тетрадь и начала в ней что-то подчеркивать красным карандашом. Подчеркивала, подчеркивала и все больше хмурила брови. А когда отдала мне мою работу, я увидел, что в диктанте полно ошибок.

Потом учительница взяла тетрадь Филиппа и снова начала подчеркивать. В конце концов посмотрела на нас как-то странно, покачала головой и отошла. Похоже было, что она не очень-то довольна.

Так оно и было.

Сейчас со мной снова сидит Рыбка. Филиппа учительница посадила рядом с Робертом. И я не уверен, что она поступила правильно. Роберт, наверняка, не такой хороший товарищ, как я.

Я просто не понимаю, что случилось с нашей учительницей? Недовольна тем, что кто-то хотел быть хорошим товарищем!

Не знал я, что так трудно быть учителем. Но сейчас знаю.

Вчера наша учительница принесла тетради с задачками, которые мы решали в классе. Они уже были проверены.

— Я вами довольна, — сказала она весело. — Но не всеми, — добавила более грустным голосом. — Есть еще несколько неуспевающих учеников. Меня это очень беспокоит, и я долго думала над тем, как мы им можем помочь.

Говоря эти слова, учительница посмотрела на

нас и, честное слово, свой взгляд остановила на мне. При этом у нее было очень огорченное лицо. Мне почему-то стало страшно неприятно.

«Похоже, учительница говорит обо мне, — подумал я, — видно, я получил двойку и стал неуспевающим. Будет что Магде рассказать дома. Хорошенькая история. Но что в этих задачах было такого, с чем я не справился? Ведь они были легкие, и я их быстро решил. Наверное, я что-нибудь в них напутал. Вот ведь не везет!»

Я уже стал было беспокоиться, что из-за меня у учительницы неприятности и что ей пришлось ломать голову над тем, как мне помочь, а тут дежурный положил передо мной мою тетрадку. Мне даже не хотелось туда заглядывать, но посмотреть все же пришлось.

Потихоньку открываю, переворачиваю страницу за страницей — и вдруг, что я вижу?! Пятёрка! Я подумал, что дежурный ошибся и дал мне чужую тетрадь. Смотрю на обложку — моя!

— Юхууу! — крикнул я, как индеец, и с размаху треснул тетрадкой Рыбку по спине. Понятно, что Рыбка мне ответил, но нам пришлось снова браться за работу, потому что тетради раздали уже все и начался новый урок.

Я спросил Магду, что она получила. Она показала четыре пальца. А я растопырил сначала все пальцы на одной руке, а затем, чтобы она лучше поняла, и на другой.

Магда какое-то время смотрела на меня, потом пожала плечами и выразительно постучала по лбу.

Но этим все не кончилось.

Когда зазвенел звонок на перемену, учительница сказала:

— Прошу Ягду, Павла, Магду, Малгосю, Роберта и Ендрека остаться на минуту в классе.

Увидев, что ребята вышли, учительница нам сказала:

— Я знаю, что на вас можно положиться. Вы хорошие ученики и...

Дальше я уж не буду говорить, что сказала о нас учительница, иначе вы скажете, что я люблю хвастаться. Одним словом, учительница попросила нас помочь отстающим и сразу объявила, к кому и кого она прикрепила.

Мне достался Карлик. Этот Карлик вовсе не такой уж маленький, он даже повыше меня ростом, но мы называем его Карлик, потому что его фамилия Карлович. Марчин Карлович.

Марчин мне нравится. Он умеет рассказывать удивительные истории. По польскому языку у Марчина одни пятерки. Только с математикой у него что-то не получается.

Вот учительница и говорит мне:

— Ты, Ендрек, поможешь Марчину. Вы живете недалеко друг от друга, так что сможете вместе делать уроки. Может, тебе удастся заинтересовать Марчина математикой.

Сразу же после перемены я сказал Марчину, что приду к нему после обеда и мы вместе сделаем уроки.

Когда я после обеда пришел к нему, больше всего обрадовалась пани Карлович, мама Марчина. Она сейчас же поставила перед нами лирог

с яблоками, положила по кусочку на тарелки и пошла на кухню.

Мы съели пирог и я говорю:

— Ну, Карлик, пора браться за работу.

Отодвинули тарелки, взяли тетрадки, переписали задачу и начали ее решать.

Мы как раз проходили задачи на взвешивание. А та, которую мы делали, была об апельсинах: их привезли в ящиках, ящик с апельсинами весил 30 килограммов, а пустой — 5 килограммов. Сколько весили апельсины?

Я уже начал писать ответ, гляжу, Марчин без зазрения списывает. Я заслонил тетрадку, а он ко мне:

— Ты же должен мне помогать! Убери свою руку.

Он пододвинулся поближе, переписал решение точка в точку и говорит:

— Ну, все в порядке!

— Что «в порядке»? — спрашиваю.

— Как это что? С математикой покончено.

— Пока что я один ее сделал, — говорю.

А ты только переписал. Самому тебе, видно, не решить.

— Ой, ой, не изображай из себя. Тоже мне большое дело — задача! Если бы я захотел, то быстрее тебя решил бы!

Марчин начал искать бумагу, а я сижу и думаю... Сам не знаю, какую задачу ему продиктовать.

И ни с того ни с сего мне в голову пришел... крокодил!

— Пиши: в зоопарке взвесили крокодила. Крокодил вместе с клеткой весил тридцать килограммов...

— Молоденький был крокодильчик! — говорит Марчин. — Старый весил бы килограммов сто! Крокодилы ведь большие. Я сам видел одного, который...

— Не болтай, а пиши! — говорю я и диктую дальше: — Сколько весил крокодил, если пустая клетка весила 5 килограммов?

— Она что, из пластмассы? — заинтересовался Марчин.

— Что значит «из пластмассы»?

— Уж очень она легкая. Только пять килограммов!

— Слушай, Марчин, во-первых, не из пластмас-

сы, а во-вторых, если ты будешь меня прерывать, то мы до завтрашнего дня не закончим.

Марчин посмотрел на меня исподлобья, взглянул на бумажку, потом сморщил лоб и сделал вид, что он думает над решением, но я вижу, что он поглядывает на потолок, на стены и думает о чем-то совсем другом.

— Ну, — говорю я Марчину, — решай! Ты ведь сказал, что сделаешь это быстрее меня!

— Я сказал, что сделаю быстрее, но с апельсинами. А о крокодилах я ни слова не говорил.

— Так ведь эта задача решается точно так же. Крокодилы или апельсины — все равно!

— Ничего себе! — завопил Марчин. — Все равно! Крокодил — это крокодил, а апельсины — это апельсины. Апельсины легче взвешивать. А если он тебя укусит? Тогда что? Крокодила трудно взвешивать, понимаешь?

— Понимаю! Страшно трудно учить такого крокодила, как ты! — сказал я и встал, чтобы уйти. Я уже был у дверей, но потом остановился. Вспомнил, что не съел пирог. И еще ведь я обещал учительнице...

Я вернулся. Марчин тоже, видно, испугался, что я уйду, потому что тихо сказал:

— Ну так, Ендрек, объясни мне, с чего надо начать, чтобы этого крокодила... взвесить?

Я засмеялся и начал ему потихоньку объяснять, что к чему.

Вероятно, я хорошо это делал, потому что Марчин на другой день получил первую четверку по математике. В дневнике! И страшно этому обрадовался.

— Это крокодил помог, — сказал он учительнице, когда отходил от доски. А учительница, которая не знала, о каком крокодиле Марчин говорит, подумала, что это он так называет меня и сказала сердито:

— Я сколько раз вас просила, чтобы вы не давали друг другу прозвищ! Что, у вас нет фамилий?

А потом, уже совсем другим голосом добавила: — Рыбка, прошу к доске.

И весь класс затрясся от хохота.

Учительница посмотрела на нас удивленно... и тоже засмеялась.

Продолжение следует

*****

СЛОЖНО И ПРОСТО

ЕФ. ЕФИМОВСКИЙ

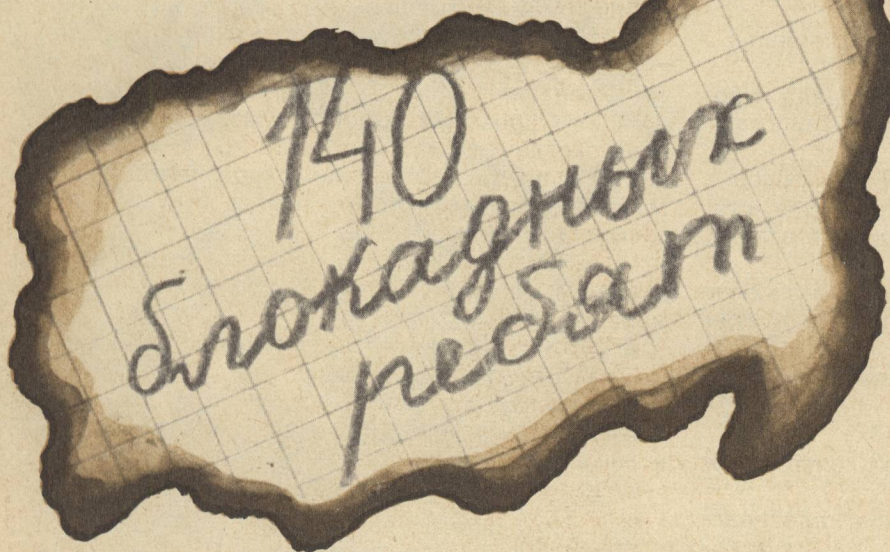
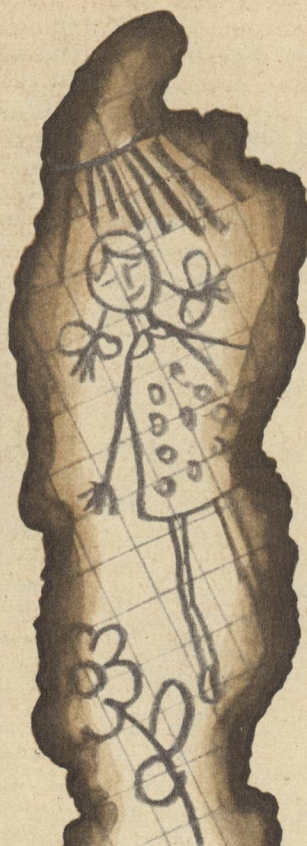
Прошу мне ответить
без всякой заминки:
ракета сложнее
или проще травинки?
Вы скажете сразу:
ракета сложнее,
она и нужнее,
она и важнее!
Она состоит
из миллиона деталей,
ее миллион человек собирали!

Тогда вам услышать,
быть может, в новинку,
что СДЕЛАТЬ нельзя
полевую травинку.
Верней, для травинки
найдутся ДЕТАЛИ,
но вы соберете
травинку едва ли.
Вам даже не сделать
пустышной соринки —
кусочка
от этой зеленой травинки.
Выходит, травинка
сложней, чем ракета.
Как просто все это!
Как сложно все это...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОДНОГО ПИСЬМА

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час утра 1941 г.

Бабушка умерла 25 янв. 3 час дня 1942 г.

Лека умер 17 марта в 5 час утра 1942 г.

Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942 г.

Дядя Леша 10 мая в 4 ч. дня 1942

Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г.

Савичевы умерли. Умерли все».

Это строчки из дневника

ленинградской девочки Тани Савичевой.

Таню Савичеву теперь знает весь мир. Ее судьба стала символом страданий и героической стойкости ленинградцев в годы Великой Отечественной войны. Ее дневник стал обличительным документом против фашизма на Нюрнбергском процессе.

Ребята из села Понетаевка случайно узнали, что Таню Савичеву вместе с детдомом эвакуировали из блокадного

Ленинграда в их Горьковскую область.

А в старинном особняке в годы войны жили дети из Ленинграда, об этом знает все село. Может, и Таня жила здесь, училась в нашей школе?

— Надо спросить Ольгу Петровну Верейну, она в школе работала во время войны, — подсказали ребятам. Так начался поиск.

РАССКАЗ ОЛЬГИ ПЕТРОВНЫ

— Раненых привозили со станции на лошадях. В этом здании размещались и детдом и госпиталь. Один офицер был ранен в голову, его кормили с ложки. Он позвал учителя литературы из школы. Я пришла.

— Простите, говорит, оторвал вас от дела. Я тоже учитель литературы. В Смоленской области моя семья, ученики. О них ничего не знаю. В саду я закопал книги, картины...

Раненый начинал бредить, вдруг привставал, словно рвался в бой, снова откидывался на подушку, начинал в бреду читать стихи. Офицера звали Павел Александрович Щукин. Я привела в палату класс. Раненый учитель дал свой первый урок по «Евгению Онегину».

Идут, помню, мои ребяташки из госпиталя и молчат. Вдруг кто-то:

— Давайте отыщем его семью, учеников. Честное слово, поднимется тогда Павел Александрович.

Вот когда родился отряд «Искатели».

Следопыты нашли жену и маленькую дочку смоленского учителя, и еще — его ученицу Зину. Вместе читали письма от Зины из партизанского отряда.

Учитель умер.

В классе моем в военные годы учились не только сельские ребяташки, но и дети из Ленинграда. Около пятого корпуса детского дома они

посадили десять березок, ухаживали за ними. И сегодня живы четыре березки.

Сельские ребята пришли, посмотрели, как живут ленинградцы, и тут же стали им помогать.

Вася Дурнайкин первым показал пример. Каждое утро перед началом занятий в школе он заходил за Колей Егоровым в детдом, сажал его себе на спину и нес в школу. Потому, что Коля был без ног. Коля успешно окончил десятилетку, отказался от пенсии, выучился, стал бухгалтером и работает в нашей области. Другие детдомовцы — Миша Тихомиров — стал учителем, Саша Буланов — баянистом. Они работают в Починковском районе.

Девочки Тани Савичевой в школе не было, точно не было. Может быть, кто-то из старых колхозниц вспомнит? У Пунтиковых в доме жила ленинградская девочка, — навела на мысль Ольга Петровна.

Отряд разделили на звенья. Отправились к старожилам.

Стоял теплый сентябрь, пора копки картофеля. У бабушки Магуриной забот полон рот — с утра на своем огороде, да уж силы не те стали. Вдруг откуда ни возьмись десять пар проворных ребячьих рук на помощь подоспели. За вечерним чаем старая колхозница рассказала, как в войну работали женщины и дети, пахали на волах, вязали снопы, спали в сырых землянках прямо в поле. А Таню бабушка не знала.

В этот же вечер Юра Фролов осторожно отворил калитку своей соседки — пенсионерки Екатерины Кондратьевны Рыжонковой, спросил про Таню. Потом увидел, как нелегко ей одной справляться с хозяйством — натаскал из колодца целую бочку воды и выполол грядки. Каждое утро стал приносить из магазина хлеб.

Ребята узнали, что во многих домах их села жили эвакуированные ленинградцы. Каждое утро в детский дом колхозники приносили парное молоко, яйца, хлеб, картофель.

Отряд включил в поисковую

работу осенний десант под названием «Бабушкина картошка».

Девочку Таню Савичеву никто припомнить не мог.

Решили отправиться в село Красный Бор, что в 25 километрах от Понетаевки. Там тоже жили дети из Ленинграда.

В КРАСНОМ БОРУ

После школы к бабушке Насте прибегает внучка-пятиклашка. Наскоро моет руки, садится за обеденный стол, протягивает дневник и вопросительно смотрит на бабушку.

И вот они, понетаевские следопыты, в селе Красный Бор, в доме бабушки Насти. Затаив дыхание, слушают, как поезд с ребятами попал под бомбежку, чудом прорвался сквозь огонь, и в августе 1942 года дети ленинградского детского дома № 48 приехали в село Красный Бор.

Начались хлопоты: как устроить детей, накормить. И спасти, спасти всех до одного!

У памятной стены

В один день заброшенную избу переоборудовали в баню и прачечную. Старики из деревни Елховка получили срочный заказ — изготовить ушата и корыта. Через несколько суток ушата были готовы.

Но дети сами не могли даже передвигаться. Первый раз в баню их понесли на одеялах. Медсестра Нина Михайловна собрала все село, и повела в лес — собирать плоды шиповника и молодую хвою. Из них делали витаминные пасты.

Комсомолке Насте Знатной дали детдомовскую группу старших девочек от 12 до 16 лет. Была в ее группе девочка Таня, которую любили все. Анастасия Григорьевна так описала Таню: «Рослая, худенькая, лицо удлинненное, густой ежик светлых волос, небольшие серо-голубые глаза, ласковая с грустинкой улыбка. Состояние здоровья постоянно угрожающе-опасное».

ТАНЯ

— Танечка, никто из нашей деревни не был в Ленинграде. Вот поднимаешься, война кон-

чится, вместе поедем. В гости меня приведишь. Найдешь ли улицу свою, дом, Танечка?

Осуждающий взгляд:

— У меня нет родных, нас никто не встретит.

— Не надо об этом, девочка! Вот ешь блин, пока горячий... А вот земляника. Это мальчишки наши деревенские принесли.

Но состояние девочки не улучшалось.

Отвозила Таню на детдомовской лошади Задачке в Понетаевский дом инвалидов медсестра Нина Михайловна. Двадцать пять километров до Понетаевки.

А Таня не поправлялась. Вот она в красном с черными ягодками фланелевом халате стоит у ворот.

Воспитательница оглянулась в последний раз, помахала рукой, увидела грустную фигурку высокой стриженной девочки в красном халате. Такой запомнила на всю жизнь.

Из 140 истощенных, израненных ленинградских ребят тишек Красному Бору не удалось поднять только ее.

ИЩЕМ И НАХОДИМ!

По дороге домой искатели решили во что бы то ни стало поднять все архивные документы бывшего Понетаевского детского дома. Темная кладовая. Ну и тяжеленная крышка у этого архивного сундука! Пожелтевшая от времени бумага.

Тоненькая папка. Кто-то вдруг с замиранием в голосе роняет: «Личное дело № 293... Савичевой Татьяны Николаевны!»

Первая страница: «Прибыла 7 марта 1944 года, убыла — год 1945». Куда убыла?

Вот она, книга регистрации детей, поставленных на продовольствие. Как это раньше на нее не обратили внимания! Против фамилии Савичевой значилось: «Выбыла 23 мая 1944 года в Шатковскую больницу».

На следующий день после

занятий Ольга Петровна и Вали Паутова выехали в Шатки.

А потом они сидели в маленьком деревянном доме старой больничной санитарки Анны Михайловны Журкиной, отогревались горячим чаем с вареньем.

— Девочку эту как сейчас вижу, смиренная такая, ласковая... Состояние ее было тяжелое, почти не вставала, — рассказывала Анна Михайловна..

— А где могила, не помните? — вырвалось у Вали.

Женщина задумалась:

— Ведь узнаю место. По старой березе узнаю...

Каждой весной, в мае, когда все вокруг зеленеет и радуется, на улице раздается чеканная дробь барабанов, праздничная колонна пионеров идет к памятнику на свидание с Таней. Приспущены знамена, склонены головы, легкий ветер перебирает алые галстуки. Здравствуй, Таня!

140 истощенных, израненных ленинградских ребят привезли в Красный Бор. Все село выхаживало их. 139 ребят выжили. Умерла одна Таня.

Л. КАЛИНИНА,
поселок Шатки
Горьковской области

Рисунки В. Лебедева

НА ТРОПЕ—ТИГР

Александр МИЩЕНКО
Рисунки Н. Чарушина

Охотовед Сергей Петрович Кучеренко проводил экспедиционные наблюдения за косулей, кабаргой и изюбрями в районе реки Васильковки. Неторопливо шел берегом, вдыхая сладкий воздух тайги. В распадке путь ему преградили заросли молодых деревьев и кустарников, перевитых красноватыми лианами актинидии. Кучеренко с трудом пробрался сквозь эти дебри и неожиданно увидел следы тигра. Он наклонился над глубокими «стаканами» четырехпалых лап его с вогнутой сзади широкой сердцевидной пяткой.

След был слегка пожелтевший, старый, но от одной только мысли, что в любую минуту можешь услышать громовое рычание, по спине пробежали мурашки.

Следы были с шапку величиной. На дне их лежала крупка снега. Очевидно, тигр проходил здесь с неделю назад.

Кучеренко решил потропить зверя, походить по его следу, поизучать повадки владыки уссурийских джунглей. И тут же вспоминалось, как напутствовал его местный охотник: «Гляди, Серега, не попади на закуску тигру. Ожесточится — молния полосатая тигр. Очень не любит, когда на хвосте у него кто-то сидит, начинает круги давать, и не поймешь, кто кого тропит».

Поднявшись на сопку, а затем спустившись в распадок, Кучеренко увидел длинную борозду на снегу: тигр полз и вспахал снег до сухих листьев. Невдалеке видны были наброды изюбрей, к которым и подкрадывался тигр. Видать, изюбри успели учуять опасность.

...А тигр в это время лежал на гребне горного кряжа. Он отдыхал уже долго, и снег под ним подтаял. Зверь тихо хлестал хвостом, и по снегу рас-

ходился веер дорожек. Настроен был тигр мирно, на морде были написаны добродушие и блаженство, белые усы свисали. Невдалеке находилась полянка с остатками пиршества. Здесь, под прикрытием густого подроста молодых кедров, он задрал большого подсвинка и два дня питался им.

Пришло время, и тигр поднялся. Он долго чистил свою зимнюю шубу: терся о деревья, скребся когтями о кору, валялся — мылся в снегу. Жизнь не раз уже учила тигра: когда он неопрытен, грязен, его легче учуять, и тогда охота трудна.

Почистившись, тигр двинулся по своему же мерзлomu следу. Он словно бы плыл над снегом, бросая взгляды по сторонам, осматривая склоны. Неожиданно он заметил — вдалеке мелькнуло желтое. Это был изюбрь. Близость добычи в мгновение возбудила тигра. Он напряжился, пригнулся,

словно проверяя, готов ли к прыжкам, и побежал по самому гребню.

Бык-изюбрь выскивал веточки хвошей у подножия склона. Подкрасться к нему по чистым снежным пространствам, казалось, не было никакой возможности. Тигр выбрал благоприятный для него поток ветровых струй и пополз. Он подобрался к быку насколько было возможно и предварил нападение оглушительным ревом.

Бык от неожиданности замер. Затем — прыжок, и через куртинку молодых елочек бык перелетел птиц. Ушел от тигра. А тот пал на брюхо и хлестал хвостом снег. Но по-прежнему ярость спала, и, свернувшись клубком, он полежал немного, а потом двинулся на вершину, к старой своей тропе.

Тигр был очень голоден. Раскачиваясь на ходу, он шел по гребню. Неожиданно в нос ударил резкий и острый запах. Он уже знал его. Это был свежий запах человека. Тигра коснулся страх, стала подниматься шерсть на загривке. Он вспомнил взгляд человека и что-то, блеснувшее полоской в его руках, неожиданно изрыгнувшее огонь и гром. А потом — свежие красные пятна на снегу, запах крови тигрицы...

Тигр мягко побежал по следу человека. Вскоре он услышал скрип перемерзшего снега под ногами. Человек время от времени останавливался, наклонялся и ковырял палкой в снегу.

День выдался ясным и не

по-зимнему теплым. Рябчики словно прилипли на солнечных сторонах белоснежных берегов. Изредка перекликались рассыпавшиеся по рябинкам дрозды, радостно цвирикали крохотные синицы.

Тигр обошел стороной человека и вновь вышел на свой след. А Сергей Петрович Кучеренко наткнулся на новую стежку «стаканов» тигра на одной из вершинок горного кряжа. Он опешил от неожиданности. Потрогал рукой след — отпечатки мягкие, не подмерзшие. Благодушие как не бывало. Он вмиг стал чутким и настороженным. Несколько минут стоял, раздираемый противоречиями — идти или не идти. Взяв карабин наизготовку, двинулся вперед.

Новую стежку тигра охотвед увидел с хребта. А рядом с ней — следы кабана.

«Кабаны зашли, вероятно, в орешник, — предположил Кучеренко, — а на другом склоне распадка их караулит тигр». Так оно и было. За орешником охотвед нашел три лежки хищника. Несколько перебежек, и тигр пополз. Кучеренко не отважился лезть в орешник и пошел краем зарослей. Вдруг он увидел отпечатки копыт двух летящих на махах кабанов и параллельно им «горячий» тигринный след, который потом отворачивал в сторону.

Кучеренко вздрогнул — он понял, что хищник шел уже не за кабанами, а за кем-то другим. Его словно обожгло: тигр

шел за ним, Сергеем Петровичем! Охотвед резко повернулся к орешнику.

Где же он? Не затаился ли для прыжка? И вдруг, где-то сбоку, пронзительно закричала сойка. Сергей Петрович повернулся на птичий крик, и ноги его налились чугуном: на него исподлобья смотрел красновато-рыжий тигр. Янтарные, с фосфоресцирующей прозеленью глаза косили, кожа на лбу собралась в складки, жесткие усы вздыбились, а нижняя губа нервно вздрагивала.

Их разделяло расстояние ружейного выстрела. Очевидно, тигр уже знал, какую дистанцию нужно соблюдать при встрече с человеком.

Над поляной разнесся глубокий рык. Кучеренко вспомнил, что в глаза зверю смотреть нельзя. Взгляд человека приводит его в ярость, побуждает к прыжку, к нападению. Кучеренко опустил глаза. Тигр еще некоторое время понаблюдал за человеком. Потом могуче развернулся и скрылся в кедровом подросте — как сквозь землю провалился...

Несколько дней еще бродил Кучеренко по таежным тропам. Ночевка у костра, и вновь качается перед глазами заснеженный след тигра. К зимовью подходил Кучеренко в непроглядной тьме, под завывание ветра... И как охотнику бывает приятен удачный выстрел, так охотведу Кучеренко было приятно, что он за время обхода участка ни одного выстрела не сделал...

РИСУЮТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

Авторы этих рисунков живут в Ленинграде, занимаются в студии изобразительного искусства Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова.

Рассмотрите внимательно работы ваших ровесников. Этим ребятам присуще живописное восприятие мира. Стремление как можно ярче перенести на бумагу только что увиденное присутствует у всех юных художников.

Сереза Данилов изобразил праздничный парад, Ильюша Гельшев — соревнования фигуристов, Юра Шамалов — цирковое представление, Наташа Коршунова — натюрморт с цветами.

Когда рассматриваешь рисунок Серези Данилова — «Спаская башня Кремля», словно чувствуешь — это не просто памятник архитектуры, это символ нашей Родины, символ Москвы.

Юру Шамалова поразили переливы огней цирка. Краски манежа, наряды артистов, разнообразные трюки... Работа интересна: мальчик уже научился достигать сложных цветовых оттенков, умеет искусно смешивать краски. Правда, надо обратить внимание на одну деталь: в Юрином изображении клоуны потеряли индивидуальность. Они отличаются только костюмами. А ведь именно характер важен для

Мкртич КОРЮН

ПО МОТИВАМ
АРМЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

ЦЕНА КНЯЗЯ

В Севан, случайно оступясь,
Свалился как-то знатный князь:
«На помощь! — он вопил. — Тону!»
И, как топор, пошел ко дну.
Но тут, явив отвагу,
Какой-то парень молодой
Вдруг распластался над водой
И вытащил беднягу.
Спасителю, умерив дрожь,
Кидает князь потертый грош.
Таким бесстыдством поражен,
В порыве осужденья
Гудит народ со всех сторон:
— Мала ж цена спасенья!..
И только старый дед-рыбак
Заметил, между прочим, так
(Он видел эту сцену):
— Нет, князя вы хулите зря,
Себе-то, честно говоря,
Князь лучше знает цену.

ПУТНИК И РЕКА

Вдоль реки, манящей гладью,
Путник шел с тяжелой кладью.
И спросили пешехода:
— Почему ты, встав чуть свет,
Как за лошадю подвода,
За рекой шагаешь вслед?
Озадаченный речами,
Пешеход пожал плечами:
— Я ли этому виной?!
Не идет река за мной.

Рисунок
В. Цикоты

клоуна. Вспомните Карандаша, Никулина, Попова. Разве они похожи друг на друга?

Удачен натюрморт Наташи Коршуновой. И узорная скатерть, орнамент на вазе, и причудливое переплетение стеблей и листьев — все это купается в солнечном свете. Предметов, казалось бы, изображено немного, но чувствуется праздничное восприятие мира юной художницей... У людей радостное настроение, веселые лица...

Совсем не обязательно станут художниками все, кто сегодня учится в студии или в кружке, но они постигают важное: зорко видеть мир, быть наблюдательными, равнодушными к жизни.

Андрей ХАРШАК, художник

МАЛЬЧИК И ПТИЦА

СКАЗКА

Борис СЕРГУНЕНКОВ

Один мальчик с матерью жил летом в деревне. Однажды он пошел в лес и увидел птицу. Птица сидела на ветке дерева и пела. Какая она была красивая, как пела! Мальчику захотелось поймать птицу. Он подкрался к ней, поймал и сжал в кулаке. Птица затрепетала и от страха окаменела.

Мальчик, увидев в руке окаменевшую птицу, очень огорчился. Он не хотел, чтобы она умирала, он хотел, чтобы птица жила. Он чувствовал себя виноватым в ее гибели. В слезах он прибежал домой.

— Что с тобой случилось? — спросила его мать.

— Я убил птицу, — сказал мальчик. — Но я не хотел ее убивать.

И он горько заплакал. Мать попыталась утешить сына и сказала ему, что, конечно, птиц ловить нельзя, но если так получилось, беда не велика, птицу можно оживить, если согреть своим теплом.

Была ночь и она уложила мальчика в постель. Мальчик взял в ладони окаменевшую птицу и грел ее своим дыханием, пока не уснул.

Проснулся он утром на рассвете от пения птицы. Он поглядел вокруг себя, но окаменевшей птицы не увидел. Вставало солнце. С речки дул свежий ветерок. Мальчик подбежал к открытому окну и увидел свою птицу. Живая, она сидела на ветке дерева и пела. Мальчик слушал ее песню, и песня эта была самой прекрасной песней, которую мальчик слышал в своей жизни.

Рисунок Д. Титова

ПО ЯГОДЫ НА ЛЫЖАХ

Николай ЕГОРОВ

Я не выдумала это:
За рекой зимует лето.
Снег с рябины отряхни,
Вспыхнут гроздьями огни.
Стайки ягод-снегирят
На шиповнике горят.
Тронул ягоды снежок —
Руки белые обжег.
Мы по ягоды пойдём
По снежку на лыжах,
Самых вкусных наберём
Ягод ярко-рыжих.

Рисунок
В. Аникушиной

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

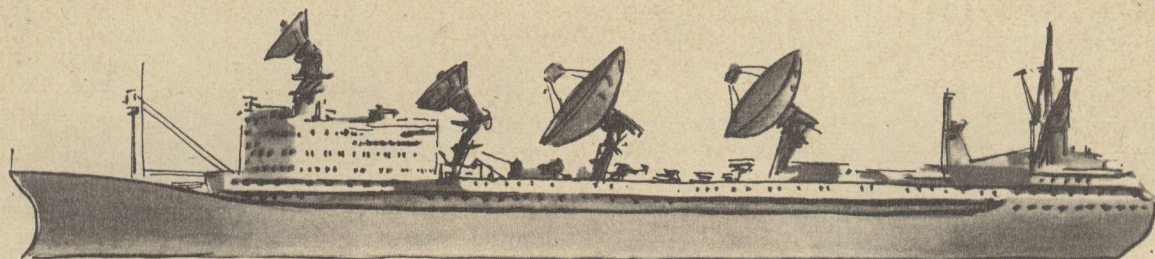
Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

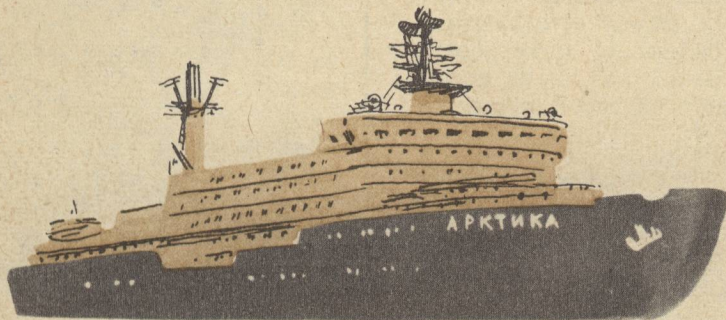
Год издания — 25-й

НАШ ФЛОТ

У нашей великой державы и флот под стать — громадный, современный. И суда — самые-самые разные...

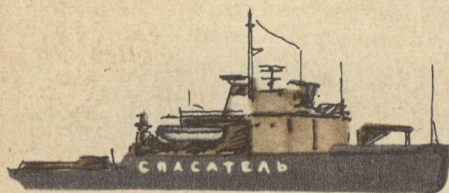

Это корабль науки. Здесь работают ученые. Антенны корабля нацелены в небо, следят за движением космических кораблей, помогают космонавтам. На борту корабля надпись: «Космонавт Юрий Гагарин».

Это судно знает каждый: атомный ледокол «Арктика». Впервые в истории «Арктика» прошла через самые тяжелые льды и достигла Северного полюса...

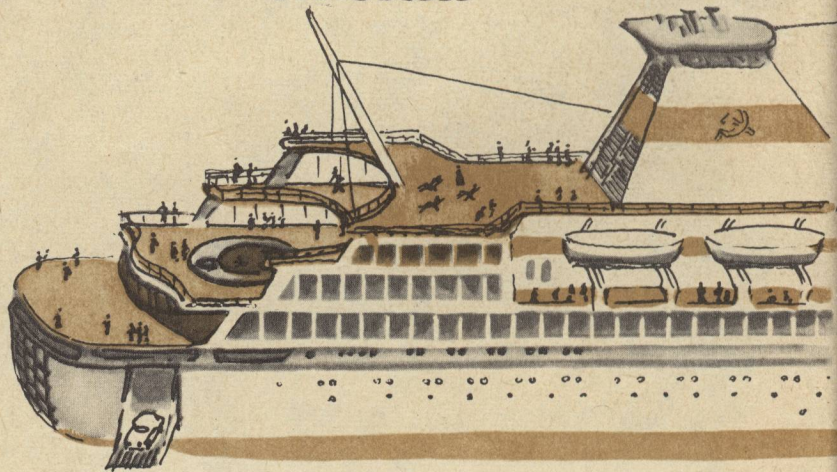
Трещат, ломаются, переворачиваются многотонные льдины, бурлит за кормой черная вода — в любую погоду «Арктика» ведет караван...

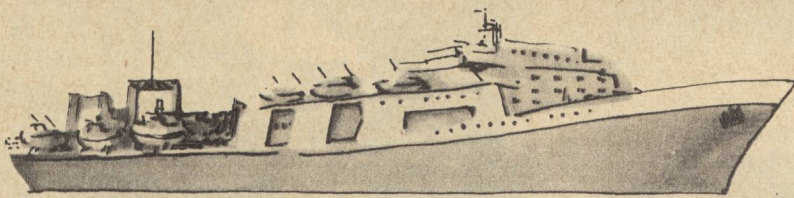
Но и самым современным, самым быстроходным, самым мощным судам все равно не обойтись без... буксира. Современное тяжеловесное судно своим ходом в порту не развернется куда надо, к причалу не встанет, не отойдет, не подойдет... Буксир или носом в корпус громадине упрется, толкает, или тросом оттянет — поставит судно куда надо. Но это не только буксир — тяни да тащи, а буксир-спасатель. Его маши-

ны могут противостоять любому шторму. И когда у какого-нибудь судна откажут в море машины или случится пробоина и по радио зазвучит сигнал тревоги «SOS», буксир-спасатель тут как тут: поможет, спасет. Мощные помпы откачают воду, водолазы буксира заделают пробоины. Этот буксир — и пожарный! Несколько водяных пушек — гидромониторов — в случае пожара обрушат на огонь тонны воды...

Вот плывет белый лайнер. За четыре дня он может пересечь Атлантический океан. В каютах — сотни туристов. На судне они — как в доме отдыха: чтобы подняться на верхние палубы имеется лифт, кто захочет в волейбол поиграть, для тех есть спортплощадки. Можно и кино смотреть, и концерты слушать, и в библиотеке книги взять, и в бассейне поплавать...

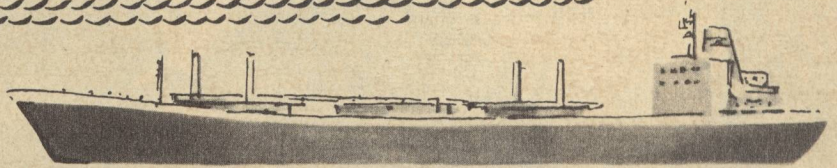

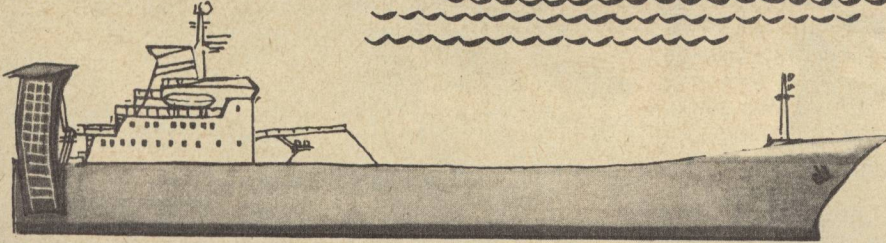

Это судно перевозит только автомобили. За один раз — две тысячи автомобилей. Палубы его — как улицы. Автомобили не краном грузят, они сами — словно в гараж въезжают. А придет судно в порт назначения — сами и выедут.

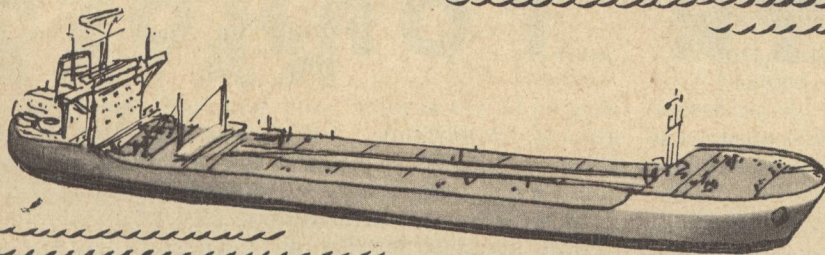
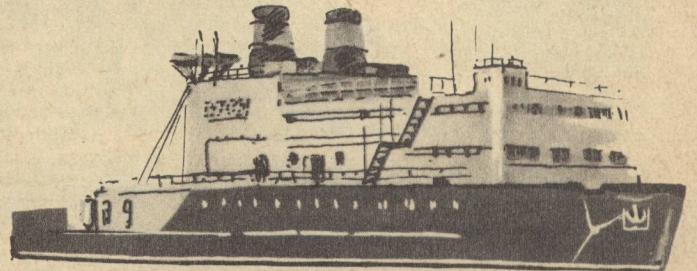
А это судно — настоящий плавающий холодильник. Оно может перевозить свежие фрукты и овощи, может мясо. А если закажете, — повежет и мороженое... Судно называется рефрижератором.

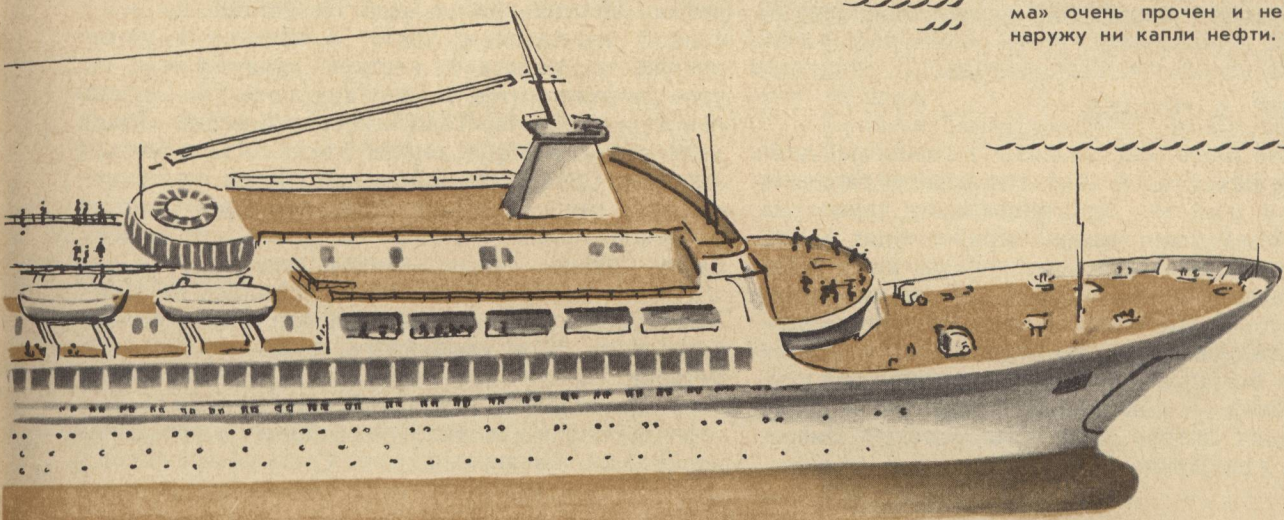
Это судно — для лова рыбы в океанах. Впрочем, не только для лова. Здесь же рыбу разделяют, хранят, делают консервы. Судно-завод. Полгода оно может плавать, не заходя в порты и не теряя времени для дела.

А этот корабль — только с виду корабль. Плавать он не может, тянут его сильные буксиры. Может быть, машины у корабля маломощные? Нет, тысячи лошадиных сил! Дело в том, что корабль этот — плавающая электростанция. Там, где нужен ток и где невозможно построить электростанцию, — корабль такой незаменим. Причалили его к берегу, включили машины, протянули толстые кабели и — пожалуйста! Даже большой завод может спокойно работать, а нужно — целый небольшой город можно освещать и отапливать...

Горючее нужно всем — и летчикам, и шоферам, и машинистам тепловозов. Танкер «Крым» принимает в свои танки-отсеки сто пятьдесят тысяч тонн. Ему не страшны самые большие волны. Курс танкера прокладывает электронно-вычислительная машина. Двойной корпус «Крыма» очень прочен и не пропускает наружу ни капли нефти.

3. ПИРОГОВА

ДЕТИ ГОРНОГО

Горный Алтай далеко от Ленинграда, у самой границы с Монголией. Живут там животноводы и охотники. Большие села — вдоль Чуйского тракта, у дорог, а среди гор — маленькие поселочки. Высоко в горах — летние стойбища и одинокие стоянки.

Алтайские ребята учатся в интернатах или в маленьких школах — восьмилетках и четырехлетках. Летом многие поднимаются с родителями в горы — пасти отары овец, гурты коров, табуны коней.

Летнее кочевье

Середина июня. Растаял снег в горах, ревущими потоками скатился вниз, горы сразу расцвели травами и цветами. Круто вползает дорога на перевал. На ней непривычно шумно: гудят машины, тархтит трактор, мычат коровы, лают собаки, крики, говор, смех людей, гремят и звенят бидоны, кто-то поет. Что за великое кочевье разбудило безмолвие гор? Это поднимается на летнее стойбище большой гурт, а с ним походный масло-сырозавод — иначе куда же девать в горах сотни тысяч литров чудесного молока? Вместе с гуртом и заводом откочевывают целые семьи.

Мужчины — пастухи или рабочие, женщины — доярки, телятницы, работницы завода. Работа у них летом — только успевай: коров много, молока много.

А дети? Они — помощники.

Вон, видите, вышли из бревенчатого домика два мальчика. Это братья Иркиковы. Старший — Айдар сел на рыжего коня и посадил к себе в седло маленького Колю. Конь пошел крупной рысью. Не упал бы малыш! Не бойтесь за него: спиной прижался к брату, а крепкие смуглые ручки вцепились в жесткую гриву. Сзади их уже догоняют отец и еще два пастуха. Сейчас они будут сгонять стадо к вечерней дойке. Объехали стадо, и вдруг зоркие глаза Айдара увидели — нет Грушки, бурой коровы. Коля переходит в седло отца, а Айдар, повернув коня, мчится к лесной гривке у ручья. Он знает, где можно найти Грушку — в прохладном леске.

Поздно вечером вся семья собралась за ужином. Папа и мама пришли с дойки. Мама устало села к столу и улыбнулась своей черноглазой детворе.

— Однако, чем кормить будете?

— Дина уши наварила, — сообщает первоклашка Чечек, — из харезов.

АЛТАЯ

Рисунки
В. Лебедева

— А изловил кто?

— Тим! — отвечают сразу четыре голоса. А сам рыбак молчит, полный достоинства. Лицо его от солнца такое красно-бурое, что даже не заметно, как оно покраснело от гордости.

— А мы с Диной кислицы с малиной набрали, — объявляет Чечек.

Дина всплескивает руками:

— Вот болтуня, ведь хотели сюрприз сделать! — Все смеются, Чечек смущается.

— Сю-р-п-риз, — вдруг произносит нараспев маленький Толя. Его узкие глазки слипаются, и он похож на сонного зайчонка. Чтоб не заснуть, он болтает под столом ногами. А уходить неохота: во-первых, весело со всеми, во-вторых, сюрприз на столе — первая ягода.

Красота

В маленьком таежном поселке открылась сельская библиотека. Каждый день туда стали приходить ребята.

Однажды библиотекарь Юля поставила на рабочий стол стакан с букетиком первых цветов и положила на книгу свежую еловую ветку с шишками. В библиотеке запахло лесом и стало по-

весеннему празднично. Пришла самая маленькая читательница — Зоя. Сразу увидела букет и ветку. Спросила:

— А это зачем?

Библиотекарь Юля, занятая работой, ответила, не задумываясь:

— Для красоты.

Зоины раскосые глазенки внимательно оглядели библиотеку.

— А где же красота?

Все рассмеялись. С этого дня ребята стали приносить в библиотеку букетики, веточки с шишками и без шишек. Библиотека превратилась в зеленый уголок.

Зашла как-то Зоина мама, доярка Маша, и, оглядев с порога библиотеку, сказала:

— Все понятно. А я думала, что-й-то моя Зойка по избе веток натеркала и стаканы цветами позанимала. Я повыкидывала, а она опять понаставила: «Ничего ты, — говорит, — не понимаешь».

Первые книжки

Как-то вместе со школьниками пришла в библиотеку пятилетняя Танюшка. Прижимает к себе какую-то книжонку. Что за книжка? Да это же старый журнал «Сельское хозяйство», что выписывал ее дед, бригадир. Ребята стали сдавать книги. Она тоже протянула свое «Сельское хозяйство» и тихо попросила:

— И мне сменяйте книжечку.

Третьеклассник Рома засмеялся и ткнул в «Сельское хозяйство» пальцем.

— Вот глупая! Читать сперва научись.

У Танюшки растянулся ротик, заморгали глаза, и из них закапали слезы.

— Ничего страшного, — сказала библиотекарь Юля. — Выбери, Таня, книжку. Будешь пока читать по картинкам. Дома посмотришь, потом мне расскажешь.

У Тани сразу высохли слезы и заулыбалось все лицо. Даже старый журнал казался обрадованным.

Лиственничная кора

Решили сделать в библиотеке выставку «Природа и фантазия». Загорелись ребята, бросились мастерить. Библиотекарь Юля говорит Андрейке, сыну лесника:

— Принеси несколько кусочков лиственничной коры, выберем лучший, и я покажу тебе, как вырезать из него индейца. А головной убор ему сделаем из птичьих перьев.

Кора лиственницы — яркая, красная, и по ней мягко резать. Лиственницу заготавливают на дрова — от нее жару много, а корой кроют юрты.

На другой день утром к Юле постучал Андрейка. Долго и старательно тер ноги о половики.

— Кору принес.

— Ну проходи, посмотрим.

— А она там, на улице...

— Как на улице? — удивляется Юля и смотрит на пустые Андрейкины руки.

Андрейка выходит и тут же возвращается, боком протискивается в дверь, согнувшись под тяжестью громадного мешка. Мешок грохает об пол.

— Вот. Вы говорили принести на выбор.

Юля, не удержавшись, громко смеется — прямо остановиться не может.

— Не сердись, Андрюша, — наконец говорит она. — Я ведь про два-три небольших кусочка. А тут на тысячу индейцев хватит. И целую юрту можно покрыть.

— Не... — деловито возражает Андрейка, —

на юрту мало. А на индейца — есть из чего выбрать.

Дочь табунщика

Смеркается. Лишь на западе, за черными зубьями гор, еще держится светлая полоса. Из дома, стуча сапогами, выходит табунщик Ерелин и идет к калитке. Там привязаны два коня. Через седла — битком набитые переметные сумы: он едет в табуны на недельную смену. Рядом семенит девочка — младшая дочь табунщика, девятилет-

няя Еля. Наверное, вышла проводить отца? Нет! Ловко карабкается по высокому стремени и садится в седло. На ней старенькое синее пальтишко и теплый красный платок с бахромой. Ночи в горах холодны даже летом.

Пока Еля садилась, отец уже уехал вперед, и его чуть видно в густеющих сумерках.

Скоро совсем стемнеет, и будут светить лишь звезды. До стоянки четыре часа езды. Но главное — дорога. Да какая это дорога, просто тропа. Она все время прижимается к скалам, рядом с ней каменный обрыв. Он буйно зарос кустами и редкими деревьями, на дне кипит горная река, кончится скала, будет крутой спуск и густой ельник — полная тьма! А в нем сторожит дикие малинки хозяин тайги — медведь...

Провожая Елю, я все беспокоилась — как доедет?

В ответ на мои аханья Еля округляет глаза и, потрянув черной жесткой челочкой, недоумевает:

— Ну и че такого? Сколь уж ездил!

Хлестнула своего низкорослого вороного коня и галопом догнала отца.

У дедушкиного костра

Дедушка Учур и бабушка Суксек все лето живут в горах с отарой. Нынче у них в юрте гость — внук Пашка, шестиклассник. Он приехал верхом на коне и привез из дома свежий хлеб и крупу. Уже конец лета, закончен сенокос. Пашка помогал отцу. До начала занятий совсем немного, и тот отпустил его в горы, к деду. И здесь у Пашки полным-полно дел: задумал он наловить рыбы и, присолив ее, привезти домой. Еще — мама велела собрать ведро дикой смородины. Ну а главное — кедровая шишка, лучшее лакомство тайги. Еще не созрела совсем — орешки бледны, а зернышки мягки, но если испечь в горячей золе, белые орешки зарумянятся, а мягкое зернышко станет необычайно вкусным. Доставать голубоватые смолистые шишки не так-то просто: они сидят на концах ветвей еще очень крепко, палкой сбить трудно. Пашка, весь исцарапанный и перепачканный в смоле, весь день лазает по кедром. И вот, наконец, за спиной в мешке бьются добытые шишки.

Вечером дед Учур разжигает костер. Бабушка Суксек навешивает над костром котелок с мясом и чайник, а Пашка готовит шишки. Сегодня у них гость — пастух с соседней стоянки.

Вспыхивает и гаснет малиновый закат на снежных горных вершинах. Незаметно появляются первые звезды. Плывет над засыпающей землей пряный запах увядающих цветов. Все ближе подкрадывается темень к костру, а звезды опускаются все ниже и становятся все ярче. Холодает. Пашка закутывается в старую шубу и ложится у костра. Старшие неторопливо покуривают и ведут свои взрослые разговоры. Сначала об овцах, потом о медведях и рысях, о разных опасных случаях. Пашке интересно слушать, да глаза все слипаются, слипаются... Он засыпает, ему снятся синие шишки, медведь и новая удочка с блестящим крючком.

ХУДОЖНИК Николай РЕРИХ

Окруженное густыми лесами, озерами, стоит имение богатого петербургского юриста. Старинный дом с толстыми, почти крепостными стенами и со странным названием — Извара.

— А отчего наше имение так названо чудно, — спрашивает отца Коля, — Из-ва-ра? Совсем нерусское название.

— Это индийское название. Существует легенда, по которой императрица Екатерина Вторая подарила имение индийскому радже, а тот назвал его так.

— Индийскому радже? — удивился Коля. — А как он попал в Россию?

— В то время англичане начали завоевывать Индию, ему пришлось бежать из своих владений, наверное, так он и оказался в России...

— А какой он был, этот раджа?

— Не знаю, — ответил отец.

— А правда, что в нашем доме какой-то индеец жил? — спросил Коля у старой няньки, уроженки этих краев.

— Правда-правда, внучек, князь хиндейский. Мне еще бабка про него рассказывала: маленький такой, черненький, и весь в самоцветах да в брильянтах ходил. Говорят, — тут нянька перешла на шепот, — как полуночный час пробьет, он по комнатам ходит...

— Кто?

— Да хиндеец этот.

— А увидеть его можно?

— Можно, как полуночный

Гесер-хан. 1941 г.

Святой остров. 1917 г.

Заморские гости. 1901 г.

час ровно пробьет, в зеркало посмотришь и увидишь его.

Без пяти минут двенадцать, Коля в ночной рубашке прокрался в гостиную. Было светло, полная луна заглядывала в комнату. Мальчик впился глазами в зеркало. Пробыло полночь, и тотчас в зеркале появилась фигура, но только не таинственного раджи, а... Константина Федоровича Рериха, петербургского адвоката, отца Коли.

— Ты что здесь делаешь?

— Жду индийца... — пролепетал Коля, — он должен в зеркало прийти...

— Так я и знал! Нянькины сказки к добру не приводят. Сейчас же ступай в постель!

Коля долго плакал, уткнувшись в подушку, а потом уснул и приснился ему индийский раджа. — маленький, смуглый, в белой чалме и роскошном халате. Раджа ласково смотрел на него, улыбался и что-то говорил на неизвестном Коле языке. Но странно, во сне Коля все понимал, хотя утром никак не мог припомнить, что говорил ему раджа. Но самое удивительное было то, что Коля, до тех пор читавший книги про разбойников и пиратов, полюбил сказки, былины, заинтересовался древней историей. В Изваре находились курганы, заинтересовавшие археологов. Туда приехал друг Колиного отца, известный археолог, знаток Древней Руси Л. Иванов-

ский. Он обратил внимание на пытливого мальчика и стал брать его на раскопки. Так Коля Рерих — будущий художник, археолог, историк, соприкоснулся с азами археологии.

Однажды кто-то из нанятых археологом работников вынул из земли шлем. Вероятно, здесь было захоронение какого-нибудь древнего воина. За шлемом последовали заржавленный меч, разбитый щит. Мальчуган пристально смотрел на все растущий холмик из древних вещей, и вот уже не холмик перед ним, а новгородская дружина, выступившая в поход на ливонцев и шведов. Во главе — князь. Золотом сверкает его шлем. За князем — целый лес копий, хоругвей, знамен.

— О чем задумался? — спросил мальчика археолог. — Уже полчаса как ты с открытым ртом стоишь.

— Новгородскую дружину увидел!

— Как-как? — переспросил удивленный археолог.

— Я посмотрел сначала на ваши находки, — сказал Коля, — а они, видно, волшебные... и увидел новгородскую дружину.

И Коля стал подробно описывать то, что увидел.

— Про князя Александра Невского читал? — ласково спросил Ивановский.

— Конечно! — сказал Коля. — Конечно, читал.

— То-то князь, которого ты описываешь, на него похож. Ну и воображение у тебя, голубчик. Наверняка писателем станешь или художником.

— И тем и другим! — серьезно сказал Коля.

В классе Академии художеств идет урок. Знаменитый педагог, профессор Павел Петрович Чистяков ходит от мольберта к мольберту. Около студента Николая Рериха учитель задержался особенно долго...

— Не поладим мы с вами, милостивый государь, никак не поладим, — высоким голосом прокричал Чистяков, — и рисунок у вас хромает, грубоват, и цвета «кричат». Вы совсем полутонов не признаете.

— Я их не люблю, — серьезно ответил Рерих.

— А что вы любите, дружок? — смягчился профессор.

— Русские былины, сказки. Древнюю историю люблю.

Профессор еще раз внимательно взгляделся в эскиз.

— Оно и видно. Цвета у вас, как в сказке — синий, алый, золотистый. Да и сюжет... что за сюжет? Не разберу никак...

— Иван-Царевич наезжает на убогую избушку.

— М-да, — после некоторого раздумья молвил Чистяков, — художник из вас получится. Непременно получится, только художник-фантаст, что ли?

Беспокойный ученик не уживался ни с одним профессором. Так он кочевал из класса

Три радости. 1916 г.

Красные кони. 1925 г.

в класс, пока не попал к Архипу Ивановичу Куинджи. Ищущий новые пути в живописи, Куинджи оценил «сказочную» палитру Рериха. В то же время он знакомится с великим художественным критиком В. В. Стасовым. Знаток Древней Руси, ее истории и культуры, Стасов направлял деятельность юноши, снабжал его необходимой литературой.

В эти годы Рерих пишет картины: «Начало Руси. Славяне», «Славянский городок», «Гонец. Восстал род на род».

На ноябрьской выставке 1897 года картина «Гонец. Восстал род на род» была приобретена П. М. Третьяковым. В картине превосходно выражены суть, дух древнерусской жизни: вспыхнула междоусобица, старый гонец плывет ночью в лодке просить у соседей помощи. Тихо на реке, мирно, спокойная вода, но в согнутых плечах старика чувствуется скорбь. Глядя на эту картину, становишься не только зрителем, но и как бы участником того, что в ней происходит.

В 1901 году Рерих едет в Париж. Но и здесь, в столице художников мира, мысли и чувства его — в Древней Руси, в ее преданиях. Там он пишет картины: «Красные паруса», «Идолы», «Заморские гости».

Еще в 1899 году он совершил путешествие по «великому водному пути» к Новгороду.

«Чудно и страшно было сознавать, — писал Рерих в своем дневнике, — что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала новгородская рать на роковую Шелонскую битву». Тогда, в пути, и возник у него сюжет «Заморских гостей».

Он словно видел, как по этой синей с лиловыми кругами и полосами воде, под крики чаек плывут в русские земли гости из варяжских стран. Мирные гости. И чудилось Рериху, что плывет он не на пароходе, а в такой вот варяжской ладье, ярко разукрашенной, с резным деревянным драконом на носу, и словно впервые видит он эти берега, русскую землю, испытывает радостное волнение при виде столь обильной и благодатной земли.

Рерих восторженно принял Великую Октябрьскую революцию.

В двадцатые годы им была задумана экспедиция на Восток, в Индию. Именно в осуществлении этой экспедиции Рерих видел свой долг перед Родиной, и он отважился пуститься в трудный путь.

В 1926 году Николай Константинович рассказывает о проделанной экспедицией работе наркомом просвещения А. В. Луначарскому, вручает наркомом иностранных дел Г. В. Чичерину ларец со священной для индийцев гималайской землей.

Но в планы Рериха входила экспедиция в Монголию, Тибет. Да и в Индии его ждали дела. Ему хотелось передать народу Индии, его вождям приветствия от советского народа. И вот он снова в Индии. Он уже старик.

...Невеселы, видно, его думы: ведь время тяжелое — июнь 1941 года. Идет война. Старик заходит в дом, в свой кабинет, садится за стол и, открыв тетрадь в кожаном переплете, ставит дату: «22 июня 1941 года» и пишет по-русски: «Война с Германией. Оборона Родины. Быть бы с ними!»

Эти слова записал большой русский художник, археолог, знаток искусства и истории стран Востока, друг Индии и ее будущего премьер-министра Джавахарлала Неру — Николай Константинович Рерих.

В том же 1941 году написал он патриотическую картину «Поход Игоря». Конные и пешие воины появляются из ворот крепостной стены и скрываются за горизонтом. Воины князя Игоря выступили в поход. Вся картина выдержана в тревожных густо-синих, огненных, желтых тонах. Много испытаний ждет русских богатырей. Будут неудачи, поражения, но будет и победа... «Россия выстоит. Россия победит» — об этом говорит картина.

Д. НОРИН

МАРИЯ ПРИЛЕЖАЕВА

Мария Павловна Прилежаева обладает чудесным даром увидеть в человеке способности и высокие свойства души, скрытые иногда и от него-то самого. Потому, должно быть, так красивы люди, о которых она пишет, — прекрасны помыслами и делами.

А свой рассказ о мужестве, благородстве, силе духа, верности сердца и других, вечных для всех людей на земле достоинствах человеческих, она начала задолго до того, как стала писательницей. Первыми его услышали ученики — ребята маленькой деревенской школы.

Тогда, в начале 20-х годов, у нашей не оправившейся от разрухи страны не хватало ни школ, ни книг, ни учителей. Марии Павловне не было еще и семнадцати, когда она стала учительницей. Учила малышей и подростков. А так как школьных программ еще тоже не было, то учила она их тому, что знала сама, делилась всем, что имела и что сама любила.

Жила учительница при школе, и вечерами при свете лу-

чины в жарко натопленной школьной кухне она пересказывала ученикам когда-то прочитанные книги. Ребята, голодные, в отцовских валенках и рваных, сползавших с плеч пиджаках, переставали дышать, слушая о подвигах свободолюбивого Овода, о страданиях маленького обездоленного Оливера Твиста, о гордом и бесстрашном Тарасе Бульбе... И юная учительница, такая же голодная и обносившаяся, как они, была счастлива, когда в обращенных к ней глазах видела отражение тревоги, любви и сострадания, какими полна была она. Потому что нет радости большей, чем радость разделенного чувства.

И сейчас, когда читаешь книги Прилежаевой, кажется, что писала она их, тревожно вглядываясь в глаза будущих читателей: отзовется, не отзовется?..

Отзывались. Всегда отзывались. И учеников у Марии Павловны уже несколько поколений школьников во всех школах всех краев и республик. Книг ведь написано много, и едва ли найдешь подростка, не читавшего хоть одну из них.

Об одной из самых популярных книг писательницы «Зеленая ветка мая» часто спрашивают: повесть автобиографическая? Про себя, да?

Мария Павловна написала ее про молоденькую учительницу 20-х годов Катю Бектышеву, и, конечно, про себя — тоже. Как, впрочем, и повесть о другой юной учительнице, уже 40-х военных годов, о Маше Строговой, она тоже — и про себя. Такой уж это труд писательский: без сердца, без себя ни одной искренней строчки не напишешь. И вот ведь что интересно: не только когда речь идет о педагогах, но и когда герои книги ни возрастом, ни биографией, ни внешне — ничем на писательницу не похожи, они все равно несут в себе черты личности Марии Павловны, отстаивают ее отношение к жизни, к делу, к людям. Недаром говорят, ничто не может рассказать о писателе лучше, чем его книги. Все написанное Марией Пав-

ловной пережито ею мучительно, остро. За каждого из героев. Потому и мы так за них волнуемся, читая.

Как рождаются книги? Разумеется, у каждого писателя по-своему. Мария Павловна рассказывает об этом так: «Всегда нужен какой-то толчок, какое-то сильное жизненное впечатление, чтобы в воображении забрезжил силуэт будущей книги».

Однажды в Болгарии случилось писательнице встретиться с застенчивым, мечтательным подростком Людмилом. Сын болгарина, сражавшегося с фашистами в партизанском отряде, и бежавшей из концлагеря русской, он был необычайно трогателен в стремлении хоть чем-то удружить соотечественникам своей матери. Конечно, Людмил остался бы в памяти одним из самых приятных воспоминаний о поездке в дружественную страну. Однако едва ли одно только знакомство с ним послужило бы поводом для написания книги, если бы не еще одна встреча, встреча на Шипке.

Шипка — это мрачный скалистый перевал за облаками. Шипка — общая для болгарского и русского народов святыня. Более ста лет назад там плечом к плечу насмерть стояли за освобождение Болгарии от турецкого ига болгарский ополченец и русский солдат. Они и теперь стоят, изваянные в камне у каменного саркофага в башне, венчающей перевал. Нет такого русского, побывавшего в Болгарии, который не пришел бы туда поклониться героическим могилам.

Воображение художника позволило Марии Павловне словно бы собственными глазами увидеть картины давних сражений, пережить страдания защитников Шипки. Они истекали кровью, замерзали под снежными обвалами, но не отступили. Это была встреча с прошлым. От нее и пошла повесть «Третья Варя».

Вот так, переплавившись в фантазии писателя, объединились, казалось бы, ничем друг с другом не связанные события. Вот так одним из главных

героев вошел в повесть приветливый болгарский мальчик с яркими черными глазами. Так переплелись в ней далекое и недавнее прошлое, настоящее и будущее. Ведь третья Варя и Людмил — это еще и будущее.

Очень немногие писатели решились и сумели написать о Владимире Ильиче Ленине. Мария Павловна говорит, что и она сама ни за что бы на это не решилась: писать о таком человеке под силу гению Толстого, Ромен Роллана...

Однако в детском книжном издательстве рассудили так: оно конечно, — явившись, такой гений непременно напишет о человеке, именем которого названа целая эпоха в истории человечества! Ну а пока его нет? Ведь и сегодняшним ребятам тоже нужны книги о Ленине! И написать их предложили Марии Павловне Прилежаевой.

Сначала она растерялась: задача казалась непосильной, а начала работать — и вовсе пала духом: чем больше она погружалась в изучение архивных документов, фотокопий рукописей Владимира Ильича, в записки и воспоминания о нем современников, тем острее становился масштаб его свершений и тем безнадежнее казалась всякая попытка рассказать о нем. Но вместе с тем, как-то незаметно, исподволь начался и другой процесс — проникновение в характер, в чувства, в человеческую сущность величайшего и в то же время человечнейшего из

людей. И что не в силах была охватить мысль, постигалось сердцем.

Казалось бы, кто не знает биографии Ильича?! Но каждый день работы приносил новые открытия, образ замечательного человека все больше овладевал воображением, и наконец настал момент, когда не писать о нем она уже не могла: сердце было переполнено огромной, «пронзительно нежной любовью». Так об этом рассказывала в записках «Немного о себе» писательница.

Теперь ей хотелось, чтобы люди как можно раньше узнавали не только о Ленине — революционере, философе, создателе дотоле невиданного государства, но и о Ленине — человеке, умевшем преданно любить и дружить, сочувствовать в беде, прощать ошибки и никогда — измену; умевшем безоглядно веселиться и глубоко грустить, оказавшись вдали от близких... И тем не менее готовом от всего, милого его сердцу, отказаться во имя дела, во имя цели.

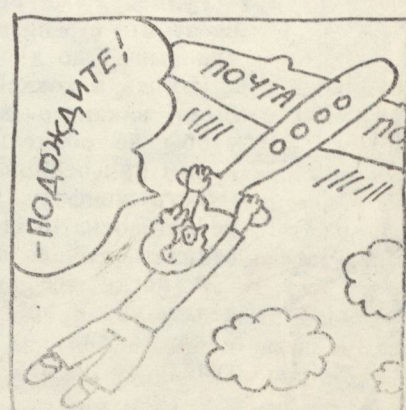
Книги М. П. Прилежаевой о Ленине — «Начало», «Три недели покоя», «Удивительный год» — это рассказы не только об Ильиче и его соратниках, имена которых известны нам из истории. В них живут, любят и мужают в борьбе юноши и девушки, для чьей судьбы решающим оказалось влияние идей и личности Владимира Ильича.

Какой бы всепоглощающей ни была работа над этими по-

вестями, настал срок, и она закончилась. Казалось, о чем еще, после всего пережитого рядом с героями своей Ленинианы, сможет писательница думать и рассказывать с таким же захватывающим интересом? Да и возможно ли это? Оказалось — возможно. О жизни. Нашей сегодняшней, стремительной, донельзя насыщенной событиями. Каждый новый день ее рождается вместе с новыми проблемами. Для подростка, только еще вступившего в жизнь, чуть не каждая — глобальна. Нужно спешить, помочь ему не растеряться. Из-под пера писательницы одна за другой выходят новые книги. Их издают у нас и за рубежом, героев их мы видим на экране. Но как много еще нужно сказать ребятам и о том, из чего создается в душе запас нравственной силы, достаточный, чтобы противостоять злу, в каком бы обличьи оно ни явилось! Как хочется поделиться с читателями счастьем самой возвышающей душу любви — любви к Родине!

Мария Павловна не позволяет себе долгого отдыха. На письменном столе стопка чистой бумаги. Вид ее всегда вызывает у Марии Павловны радость и тревожное ожидание. Как перед первой встречей с людьми, о которых знаешь уже так много хорошего, что любишь их, еще не успев как следует познакомиться. Мария Павловна всегда пишет о тех, кого любит, и о том, что ей всего дороже.

Майя ЧЕРКАШИНА

План работы

Звеньевой составил план.
 Для звена родного.
 План хорош. Один изъян —
 Нету выходного.
 Понедельник — в зоосаде,
 Вторник — слушаем баян,
 В среду к нам приходит дядя
 Рассказать про океан,
 А в четверг — игра на кубок
 С школой номер двадцать пять,
 В пятницу — листки от дуба
 Звеньевой велит собрать...
 Я решил: довольно! Хватит!
 Не хочу за ним идти!
 Он звонит: «Ты где?»
 — В кровати! Я читаю детектив!
 — Что за вещь?
 — «Иду по следу».
 — Хорошо! Я очень рад!
 Завтра ты по книге этой
 В школе сделаешь доклад!

Е. СЕМЕНОВ

Била Волга

Гулять Роме было неохота, но ребята его позвали, и мальчик вышел во двор.

Играть в хоккей у Ромы не было никакого желания, но, чтобы не обидеть друзей, он к ним присоединился.

Есть конфету Роме совсем не хотелось, но его угостили и отказаться было неудобно.

А когда все ребята пошли делать уроки, то Рома проявил, наконец, силу воли и остался гулять во дворе.

И. БУТМИН

Л. КАМИНСКИЙ

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ (СКАЗКА)

Жил-был в одном городе школьник Сева Завидушкин.

Вот едет однажды Сева в троллейбусе и читает книжку про старика Хоттабыча. Читает и завидует: хорошо было Вольке! Вот мне бы тоже волшебника встретить! Не успел подумать — глядь: перед ним старичок стоит. Борода длиннющая и одет не по сезону: на голове шляпа соломенная — канотье, а на ногах — узконосые туфли. Сева прямо подскочил с места:

— Садитесь, пожалуйста, гражданин... Хоттабыч!

Старичок самодовольно улыбнулся:

— Молодец, узнал! Хочешь, я твое желание исполню? У тебя есть какое-нибудь желание?

— Ага, — обрадовался Завидушкин. — Я бы хотел, чтобы у меня было то, что у других... Ну, увидел я у кого-нибудь какую-то вещь, пусть она и у меня будет! Или нет, пусть у меня будет в два раза больше!

— Ладно! — сказал Хоттабыч, засмеялся старческим смехом и исчез.

А Сева бросился бегом в школу. Сел за свою парту и посмотрел направо. Видит: Аня Карнаухова яблоко ест: вдруг — бац! На парте перед Севой два яблока лежат. Оба надкусанных... Посмотрел Сева налево — Сидоров синий фломастер из портфеля вынул. Бац! Перед Севой два фломастера лежат. Оба синих! Ура! Сева от радости чуть не заорал. Молодец, Хоттабыч!

...Дома Сева с нетерпением открыл свой разбухший портфель. Чего здесь только не было: два перочинных ножика, два карандаша «Орион», два бутерброда с сыром, две книжки «Занимательная астрономия», две открытки с портретом Аллы Пугачевой, два синих фломастера и даже... два сиамских котенка (котенка на улице одна девчонка несла).

— Сева! — вдруг послышался папин голос из соседней комнаты. — Ты чего там затих? Покажи-ка дневник, давно я туда не заглядывал...

Сева вынул дневник, открыл его... и — о ужас! На последней заполненной странице стояли сразу две двойки по физике!

— Вот так дела! — подумал Завидушкин. — Когда же я успел в дневник к Петухову заглянуть?

Хочу проверить, проживет ли черепаха 200 лет...

Рисунок Вл. Милейко

Михаил ЯСНОВ

УВЕЛИЧИТЕЛ
Стекло

Я посмотрел в него — и вот,
Как в самом страшном сне,
Мой палец, словно бегемот,
Пошел навстречу мне.

Я на колени Ваську взял
И в глаза ему взглянул,
И чуть со стула не упал —
Спасибо, крепкий стул!

Я в свой дневник решил взглянуть —
Такое увидел,
Что заикаться я чуть-чуть
От этого не стал:

Я двойку больше каланчи
Увидел на столе
В увеличи-чичи-чичи —
Чичительном стекле!..

КОНКУРС

„И все засмеялись!“

БОРЬБУ — ПОДСКАЗКЕ!

Идет заседание дружины. Обсуждается вопрос о поведении ребят на уроках. Вот вышла Оля и начала:

— Я хочу сказать о... об этом... о...

— Дисциплине, — сообразил кто-то сзади.

— Да, о дисциплине, — повторила Оля и стала искать глазами подсказавшего. Но не нашла и стала продолжать:

— Вот... Вот в нашем классе почти все подсказывают. И тем самым... тем самым...

— Мешают, — прогудел тот же самый голос сзади.

— Точно, мешают, — обрадовалась Оля. — И я предлагаю объявить бой... этому... как его...

— Подсказке! — подсказали Оле.

— Подсказке! — повторила Оля, и все засмеялись.

Ира Вознюк,

6-й класс,

село Мильча

Ровенской области

ОЛЕГ И ЗООЛОГИЯ

Я сидела и делала уроки. Ко мне подошел мой младший брат Олег и стал рассматривать учебник зоологии. Увидев скелет коровы, он закричал:

— Смотрите, корова прозрачная! И все засмеялись.

Света Привезенцева,

6-й класс,

Тула

У нас друзья на всей

За всю свою жизнь Анжела Дэвис не получала столько писем, сколько в нью-йоркской тюрьме. Писали друзья, коллеги по Калифорнийскому университету и еще сотни, тысячи незнакомых ей людей со всего земного шара. Было среди множества писем и письмо одного ленинградского мальчишки. Наверное, самое короткое из всех: «Не бойся, Анжела! Мы все за тебя!»

Это его письмо вместе с тысячами других ободрило, поддержало бесстрашную коммунистку, помогло сохранить силу духа, нестигаемость воли. Вместе с тысячами других, его письмо обрело силу, способную распахнуть тюремные двери.

Чем я могу помочь народам, отстаивающим свою независимость? Как уберечь мир на Земле? Что значит быть настоящим интернационалистом?

Эти и еще многие другие вопросы задавали себе новгородские школьники, собравшись в лагере комсомольско-пионерского актива. Из их ответов получился устный журнал «Два мира — два детства». С его оживших страниц звучали песни народного певца Чили Виктора Хары и печальный

рассказ колумбийского мальчишки о его родине, где сегодня в бедных семьях вынуждены работать все дети, даже пятилетние.

Много, очень много узнали и увидели в этот день ребята. Не случайно почти каждый, кто сидел в зрительном зале, держал на коленях блокнот и то и дело делал в нем пометки. И думал почти одинаково: «Это все в школе у себя надо будет непременно устроить...» Такой замечательный устный журнал. Такую кинопанораму планеты. Второй отряд разыскал кадры из фильмов советских документалистов, побывавших в горячих точках планеты... Зал поднялся дружной волной, приветствуя демонстрацию защитников мира: «Мы с вами, друзья!»

Сегодня больше половины населения Земли — люди, которым нет еще и двадцати пяти. Молодежь решительно участвует в самых массовых, самых мощных движениях нашего времени — против войны, против неравенства, угнетения, несправедливости. Советские пионеры — среди молодых борцов планеты.

Н. ВОДЯНИЦКАЯ,
Фото Ю. Захарова

Звучит Гимн демократической молодежи

земле!

Рисуют плакат
Надя Елисеева и Лена Дмитриева

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

С 4 по 7 января этого года в Ленинграде состоятся Вторые финальные соревнования спортклуба «Кузнечик». В них принимают участие ребята из всех союзных республик, краев и областей — победители Олимпийского конкурса по прыжкам в длину и высоту.

Участникам финала и всем членам СК «Кузнечик» Совет клуба желает в новом году отличной учебы, крепкого здоровья и высоких спортивных результатов!

НАШИ НОВОСТИ

По решению Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР и редакции журнала «Костер» Всесоюзный спортивный клуб «Кузнечик» начинает прием юных легкоатлетов — любителей бега.

Чтобы стать членом клуба, необходимо посоветоваться с родителями, написать заявление о приеме и заполнить анкету. Анкета заполняется так:

Фамилия, имя, отчество...

Область, город, село...

Школа, класс...

Год рождения...

Рост...

Вес...

Результаты:

— бег на 10 и 30 метров с низкого старта

— прыжок с места (отталкивание двумя ногами).

Тренерам спортклуба очень важно узнать ваши результаты в беге на десять и тридцать метров. В школе такие дистанции, как правило, не бегают. Но вы можете попросить учителя физкультуры или тренера — они помогут зафиксировать эти результаты.

От редакции вы получите значок и удостоверение члена спортклуба, а также методические рекомендации для самостоятельных занятий.

Как и прежде, СК «Кузнечик» продолжает прием прыгунов в длину и высоту. Анкеты, которые необходимо заполнить для вступления в клуб, редакция высылает по просьбе ребят.

Наш адрес: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, редакция журнала «Костер», спортклуб «Кузнечик».

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ "КУЗНЕЧИК"

ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ,
БЫСТРЕЕ!

ГДЕ РЕГУЛЯРНО
ПРОХОДЯТ
ОБЛАСТНЫЕ,
РАЙОННЫЕ И
ГОРОДСКИЕ
СОРЕВНОВАНИЯ

НАШИ ФИЛИАЛЫ

ст. Суворовская, Став-
ропольского края
с. Волкодаево, Воро-
шиловградской обл.
с. Шумячи, Смоленской
обл.
Вихоревка, Иркутской
обл.
Славяногорск, Донец-
кой обл.
Ростов-на-Дону
Полтава

Ленинград
Таганрог
Азов
Белая Калитва
Новочеркасск
Ростов-на-Дону
Шахты
Караганда
Владимир
Шяуляй
Новополоцк
Южно-Сахалинск
Витебск
Бердичев
Фрунзе
Москва

ЧЕМПИОНЫ И РЕКОРДСМЕНЫ КЛУБА

Володя Вашкеев (Но-
восибирск)
Светлана Мокряк (Ки-
шинев)
Марина Марченко (Ви-
хоревка)
Олег Законнов (Но-
рильск)
Марат Вафеев (То-
больск)
Татьяна Кулакова,
Сергей Павлов (Ле-
нинград)
Сергей Боровиков (Ял-
та)

ЗДЕСЬ ПОБЫВАЛИ ТРЕНЕРЫ СК "КУЗНЕЧИК"

Славяногорск, Донец-
кой обл.
Караганда
Минск
Ростов-на-Дону
Свердловск
Нижний Тагил
Серов, Свердловской
обл.
Луга, Ленинградской
обл.
с. Волкодаево, Воро-
шиловградской обл.
Суоярви, Карельской
АССР
Вихоревка, Иркутской
обл.
Южно-Сахалинск

ОБЛАСТИ, ГУСТОНАСЕЛЕННЫЕ "КУЗНЕЧИКАМИ"

Ленинградская
Московская
Ростовская
Ворошиловградская
Оренбургская
Витебская
Полтавская
Одесская
Сахалинская
Донецкая
Владимирская
Карагандинская
Краснодарский край
Алтайский край
Приморский край

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Премии журнала «Костер»,
установленные ЦК ВЛКСМ
за лучшие произведения,
напечатанные в журнале
в 1980 году,

ПРИСУЖДЕНЫ:

писателю Александру ДОРОФЕЕВУ (Москва) — за циклы рассказов «Пустынный сторож», «Живая земля», опубликованные в №№ 8, 11;

художнику Анне ИВАШЕНЦЕВОЙ (Ленинград) — за рисунки к «Веселым стихам» (№ 3), рисунок обложки «Костра» (№ 3), рисунки к рассказу Н. Федорова (№ 9);

журналисту Татьяне ОРЛОВСКОЙ (Ленинград) — за очерки в КООТе (Клуб обыкновенных открытий), опубликованные в №№ 1, 11.

ДОРОФЕЕВ Александр Дмитриевич родился в 1952 году в Москве. Окончил Полиграфический институт. Работал художником-реставратором. Первый рассказ написал в 16 лет (рассказ «Рыба и луна» напечатан в журнале «Рыбоводство и рыболовство»). В «Костре» печатается с 1979 года. В 1980 году в издательстве «Детская литература» вышла первая книга «Белый воробей».

ОРЛОВСКАЯ Татьяна Петровна, писательница и журналист. Закончила Ленинградский университет. Работала в газетах, журналах, на телевидении. Автор рассказов и очерков для детей. В журнале «Костер» печатается с 1978 года.

ИВАШЕНЦЕВА Анна Владимировна окончила среднюю художественную школу, потом Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Работала в издательствах и редакциях журналов Москвы и Ленинграда. Участвовала в городских и Всесоюзных выставках. Для «Костра» рисует с 1975 года.

«Я учусь в седьмом классе (школу не буду называть)... Учусь просто плохо. Мог бы учиться лучше, но отношения в классе очень плохие. Вечно меня дразнят, угрожают мне, мол, пожалуешься, — еще хуже будет...

Особенно боюсь я Кириллова и Нагавицына. Им-то никак не дашь сдачи: они сильнее. Что же мне делать?

*Юра С.,
Ленинград.*

На это письмо редакция попросила ответить Леонида Михайловича ЗЮБИНА, доктора психологических наук.

— По-моему, класс, где такое происходит, коллективом не назовешь. Это какое-то множество равнодушных. Таких классов, конечно, очень мало, но ведь они есть. Может быть, ребята напишут об этом, выскажут свое мнение?

Не совсем понятно поведение самого обиженного. Я не хочу упрекать автора письма, который обратился в редакцию за советом. Видно, не от хорошей жизни это произошло. Хотя это и кажется невероятным, но судя по всему ни коллектив сверстников-ребят, ни взрослые не пришли к нему на помощь ни советом, ни делом. Но все-таки самое главное и волнует меня и остается не очень понятным. Как можно прожить тринадцать лет, проучиться семь лет в школе и не научиться защищать свое достоинство, вообще себя?

И еще один вопрос не дает мне покоя. Бывает ли в жизни так, что всегда и во всем виноваты другие? Может быть, ты, Юра, и сам в чем-то виноват? Может быть, любую шутку, даже самую безобидную, воспринимаешь как намеренное зло? Итак, два главных

вопроса. Как можно вырасти столь беспомощным человеком и как можно избавиться от этой беды? И второй: всегда ли ты прав, видя во всем зло и унижение?

Многое теперь уже ты должен делать сам. Избавиться от нерешительности, робости поможет самовоспитание.

В данном случае поговорим только о самовоспитании чувства собственного достоинства и умении постоять за себя. Человек — это звучит гордо! Слышал такое изречение? И человек достоин самого высокого уважения. Хороший человек, конечно. Но таких людей на свете — абсолютное большинство. Советские люди гордятся своими поистине историческими достижениями. Это они построили первое в мире социалистическое государство. Это они освободили мир и свою Родину от фашистской чумы. Это советские люди открыли дорогу в космос. Это советские люди стоят во главе всего прогрессивного человечества в его борьбе за мир. И ты среди них. Ты вырастешь и вместе со своим народом совершишь что-то большое, хорошее для людей. Как же можно не гордиться собой, как можно позволять кому-то унижать свое достоинство?

...Возьми листок бумаги и раздели его на две колонки. Слева напиши в столбик все хорошее о себе. Например: «Честный, любознательный, добрый» и т. д. А справа — все свои недостатки («Нерешительный, робкий, не умею доводить дело до конца»...)

Вот как, например, написал о себе мой знакомый шестиклассник.

Левый столбик:

«Люблю решать всякие головоломки.

Любознательный.

Аккуратный, слежу за своей внешностью.

Люблю всякую технику, часто и много мастерю. Одному знакомому даже починил пишущую машинку.

Увлекаюсь радиотехникой.

Люблю животных, занимаюсь в кружке при зоопарке».

Правый столбик:

«Учусь на тройки.

Иногда воображаю, думаю, что я умнее других.

Часто лень делать уроки.

Бываю злым, грубым.

Не всякое дело довожу до конца».

Насколько я знаю его, он правильно дал себе характеристику. Вот и ты внимательно посмотри на себя со стороны. Скорей всего, увидишь, что хорошего у тебя больше, чем плохого. И если правый столбик окажется у тебя «богаче» левого, ты просто плохо знаешь себя. Ты, как и все другие твои товарищи, достоин уважения. И никому не позволяй унижать свое достоинство! Как? Конечно, не в драке. Участие в драке оправдывается лишь тогда, когда на тебя напали, и ты защищался. И то в меру, только в силу необходимости. А отстоять себя можно и нужно иначе: доказать свою правоту, потребовать разбора какого-то спора в коллективе, публично осудить тех, кто неправильно себя ведет, наконец, не обращать внимания на мелкие глупости, которые кое-кто иной раз себе позволяет. Как говорят, быть выше этого. Но как же так?—возразишь ты. Во-первых, у меня много недостатков. За что же меня уважать? И во-вторых: я все пробовал, но у меня не получилось, и тогда я обратился за помощью. Разве это неправильно?

К сожалению, людей без недостатков не бывает. Есть они у тебя, у меня, у каждого, кого мы знаем. У кого больше, у кого меньше. И, конечно же, уважают тех людей, у которых много хорошего и совсем мало недостатков. Значит, старайся от своих недостатков избавиться.

Еще раз перечитай «анкету» моего знакомого. Прежде всего, надо правильно оценить себя. В основном, он это сделал. Оказалось, у Саши (так назовем мальчика) немало серьезных недостатков. Их надо постепенно преодолевать. Почему он учится на «тройки»? Судя по всему, Саша далеко не неспособный мальчик. Зна-

чит, дело в его отношении к учебе («Часто лень делать уроки») и в недостаточно сильной воле («Не всякое дело довожу до конца»). Исходя из этого, он ставит перед собой такие задачи: составить режим дня и строго его соблюдать, честно выполнять каждое домашнее задание, проверять правильность его выполнения самому и, если надо, с помощью родителей и товарищей, прекратить отвлекаться на уроках, очень внимательно слушать объяснения учителей, ответы других ребят. Саша заводит личный дневник (его необязательно кому-нибудь показывать), записывает поставленные перед собой задачи и раз в неделю коротко помечает, насколько удалось эти задачи выполнить. Он становится строгим контролером над собой.

Саша заносчив, бывает злым и грубым. Эти недостатки и свидетельствуют о слабой воле. Значит, надо проникнуться желанием активной и постоянной борьбы со своими слабостями, на каждом шагу контролировать себя, не допуская проступков. В контроле могут помочь и товарищи. И обо всем этом тоже отчитываться перед собой в дневнике.

Это трудно — заниматься самовоспитанием. И успех приходит не сразу. Но если сильно захочешь, со временем добьешься больших, заметных результатов.

Ни в коем случае нельзя терять веру в себя!

Смотри
стр. 48

Меня зовут Маша. Я люблю шить, готовить, выращивать цветы, мастерить всякие поделки из бумаги, обрезать ткань и кожи. Многому я научилась дома, узнала от подруг и их мам, прочла, а кое-что придумала сама. Я буду рассказывать, что полезного, интересного и красивого можно сделать своими руками. Может быть, эти советы вам пригодятся.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сегодня у меня день рождения. Для праздничного стола я приготовила пирожное «Картошка» и желе.

Пирожное сделать просто. Нужно натереть на терке 500 г ванильных сухарей и залить их стаканом теплого молока. Добавьте 100 г размягченного масла, стакан сахарного песка и столовую ложку порошка какао. Остается хорошо перемешать массу, а когда она разбухнет, слепить колбки в форме картошки и обвалить в порошке какао с сахарным песком.

Желе готовится так: любое варенье залейте водой, вскипятите и процедите. Разбухший желатин (он стоял

час, замоченный в холодной воде) опустите в отвар и, помешивая, доведите до кипения. Снова процедите отвар через марлю, залейте в формочки (если их нет — используйте чашки) и поставьте на холод. В каждую форму можно опустить по 2—3 ягоды из варенья. Чтобы желе было вкуснее, в него добавляют мелко нарезанные корочки лимона или апельсина, лимонный сок или лимонную кислоту. На один стакан воды я беру столовую ложку варенья, чайную — желатина. Желе можно сделать из сиропа или фруктового сока с сахаром. Сколько взять сока или сиропа? Попробуйте раствор на вкус. Желе должно быть сладким, но не приторным.

Я подумала и об украшении стола. Под каждую чашку вырезала салфетку из яркой цветной бумаги. На белой скатерти появились цветок, лист, яблоко. Есть среди салфеток и несложные аппликации. На желтый кружок лимона я приклеила зеленоватые дольки.

Теперь расскажу про интересные подарки. Сережа принес мне самодельную вазу с сосновой веткой. Он намазал клеем бутылку и обмотал ее ниткой простого шпагата. А Таня придумала необычную картинку на стену. Она заправила в пальцы кусок темно-синего материала. Нижнее кольцо намазала клеем, чтобы надежнее закрепить ткань, а верхнее покрасила — оно служит рамкой. Из кусочков ткани вырезала цветы и приклеила их синтетическим клеем (можно воспользоваться клеем из муки или крахмала). Приятно среди зимы получить в подарок цветы, пусть они и из лоскутков.

Рисунок Т. Петуховой

Рисунок Ю. Беломлинской

Один докучливый собеседник после долгой, унылой беседы с Дюма-отцом попросил триста франков, пригрозив, что лишит себя и двух своих детей жизни, если не получит денег от знаменитого писателя.

— У меня при себе лишь двести франков, — ответил Дюма. — Но я предлагаю вам следующее: вы лишаете жизни себя одного, а детей трогать не надо.

Знаменитый наполеоновский полководец маршал Ней, окруженный в одном из сражений, бросился на врага с криком:

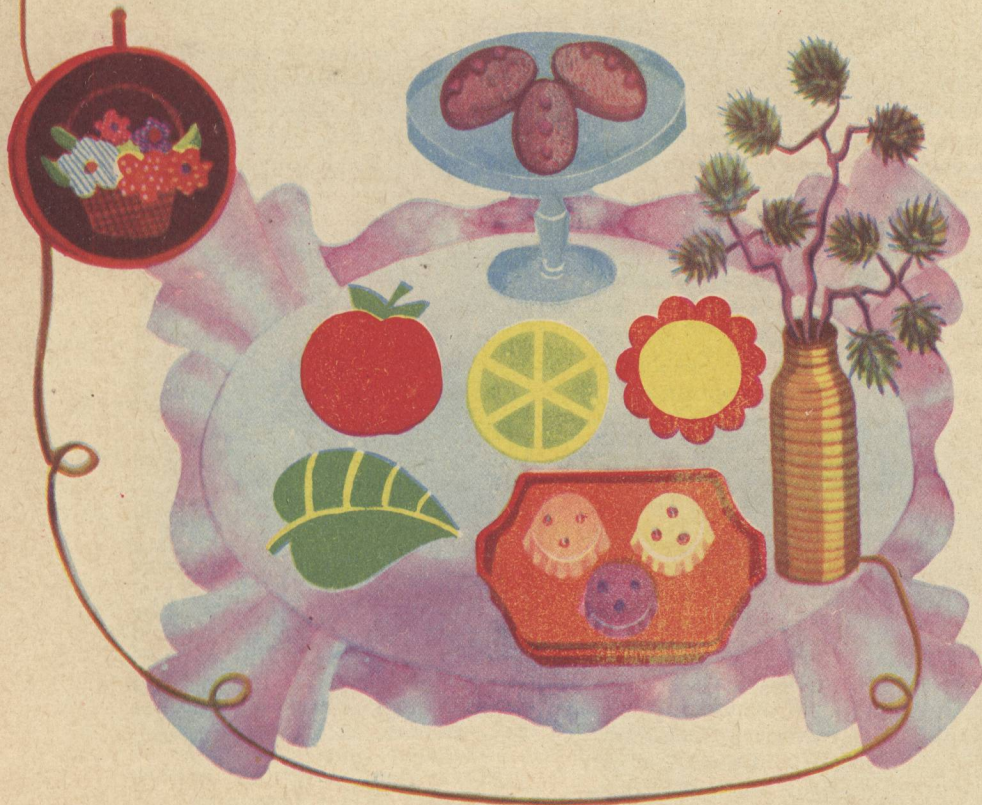
— Смотрите, как умирают маршалы Франции!

Под ним было убито пять лошадей, но сам маршал не получил ни одной царапины и остался жив.

*****

... У РЕДАКЦИИ „КОСТРА“
НОВЫЙ АДРЕС:

193024, Ленинград,
ул. Мытнинская,
дом 1/20

КТО СТАНЕТ ЧЕМПИОНОМ?

Главнокомандующий Армией Разведчиков Черно-Белых Клеток объявляет открытым Чемпионат АРЧЕБЕКА 1981 года. Он проводится: а) по шахматам (ШХМ), б) по русским шашкам (РШ), в) по международным шашкам (МШ).

Ты хочешь сразиться и одержать победу? Хочешь завоевать диплом и приз? Хочешь получить спортивный разряд (4-й, 3-й, 2-й)? Вот адрес АРЧЕБЕКА: 193024, Ленинград, С-24, ул. Мытнинская, 1/20, «Костер»; пиши заявку: «Прошу включить меня...». Укажи фамилию, имя, класс, разряд (если есть), свой адрес и в каком чемпионате (ШХМ, РШ, МШ) ты будешь участвовать.

Приняты будут: мальчики и девочки, первоклассники и десятиклассники, разрядники и новички — все, все, все!

Нужно ли ждать ответа на заявку? Нет, не нужно. Написал — вступай в сражение! Первые боевые задания найдешь ниже.

А теперь об условиях.

Разведчики имеют право участвовать в одном из видов, или в двух, или в трех, но рапорты о выполнении заданий обязательно присылать раздельно.

Сначала («Костер» №№ 1—7) состоятся отборочные состязания. В них будет дано 14 задач, по 5 очков за каждую. А затем — финал, куда попадут набравшие 40 очков.

Диплом, приз, разряд — все это можно будет завоевать в финале («Костер» №№ 8—10), а об условиях финала ты прочитаешь в августе.

И последнее: те, кто еще не умеют играть, зачисляются в Отряд резерва. Там их подготовят и потом переведут в разведчики.

1-й ТУР ЧЕМПИОНАТА

Вот боевые задания, которые ожидают разведчиков, вступающих в соревнование за диплом, приз и спортивный разряд.

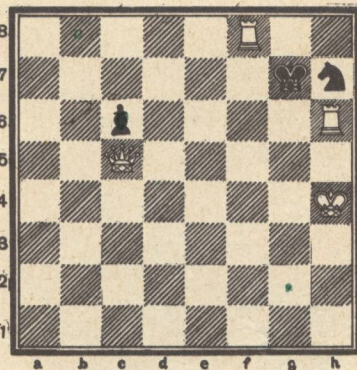
ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крб2, Фб3, Лг7, Кд6, Ке2; черные: Крб5.

Б. Белые: Крс6, Фс5, Сб8, п.е2; черные: Крг2, п.н2, н3.

Цель разведки: определить как в этих задачах (автор обеих — Александр Гришин, Ермоловка): белые могут объявить мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: в шахматах «объявить мат в 2 хода» означает сделать белыми такой ход, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот пример.

Белые должны объявить мат в 2 хода. Как же можно это выполнить? Какой нужно сделать первый ход? Поразмыслив, ты найдешь, что после 1. Лh8 никакой ответ черных не спасет их от мата. Проверяем: на 1... Кр:h8 последует 2. Фf8X, на 1... Кр:h6 последует 2. Фg5X, на 1... Крf7 белые пойдут 2. Фа7X, а на любой ход конем мат будет дан посредством 2. Фf8X. Таким образом, проверка показала, что ход 1. Лh8! действительно ведет к решению задачи.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а5, с1, с3; d2, f2, h2; черные: а7, с7, d6, g5, g7, h4.

Б. Белые: b4, с3, d4, е3, f2, g3, h4; черные: а7, b6, d8, е5, е7, f6, g5, g7.

Цель разведки: доказать, что белые имеют в своем распоряжении путь к победе.

Разъяснение обстановки: если в этих позициях (автор Вадим Кочаров, Пятигорск) белые будут играть спокойно, то в А получится ничья, а

в Б (где у них меньше на шашку) они проиграют. Однако белые могут сейчас «взорвать позицию» — провести разгромную комбинацию. Сделай это!

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 24, 33, 34, 35, 44; черные: 3, 13, 19, 23, 25.

Б. Белые: 34, 45, 47, 49, 50; черные: 24, 27, 35, 38, 42.

Цель разведки: найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: а) в МШ доска столеточная (10×10), а запись ходов цифровая. Каждому игровому (темному) полю присвоен номер; счет идет от левого верхнего поля (1) к правому нижнему (50); б) МШ отличаются от РШ тремя правилами, они будут напечатаны позже. (В сегодняшних заданиях эти правила применения не находят.)

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«Как я узнаю, правильно ли выполнил боевое задание!» — спрашивает Коля Гарпунов.

Решения заданий будут помещаться в «Бюро самопроверки». Сравнив с ними свой рапорт, каждый разведчик узнает, верен ли он. Отвечать письмом шахмат-адмирал Ферзьбери будет только тому, кому требуется срочная помощь.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Чтобы получить 5 очков —

1. Узнай названия и ходы фигур. Узнай, что такое шах, мат, пат.
2. Придумай и нарисуй позиции с шахом, с матом, с патом.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рапортовать мне только на открытках или почтовых карточках.

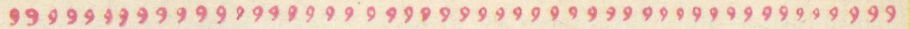
§ 2. В верхнем левом углу открытки писать номер тура и свой пароль (слово или фразу). Пароль нужно придумать для себя самому.

§ 3. Рапорты отослать до 1 апреля.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

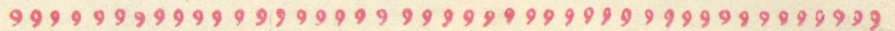

В древности считали, что число 9 обладает магическими свойствами. «Не случайно же именно девять планет вращается вокруг солнца, именно девять муз числится в свите бога Аполлона», — рассуждали древние математики.

Рассказывают, что один богатый афинянин постоянно навещался к древнегреческому философу Платону, надоедая ему своими домыслами относительно магических свойств девятки. Платон, желая избавиться от докучливого собеседника, однажды предложил ему следующую задачу: с помощью трех девяток, используя арифметические знаки, изобразить число 20. При этом философ, конечно же, не сказал, что число 0,9 можно записать и так: $\cdot 9$. Говорят, эту задачу афинянин не решил и оставил Платона в покое навсегда.

Разгадайка также не верил в волшебные свойства девятки, но иногда ему казалось странным, почему занятия в школе начинаются именно в девять часов утра, почему молочное мороженое стоит именно девять копеек и т. д. Тем не менее, он любил это число, как, впрочем, и все остальные числа, и при каждом удобном случае предлагал любителям занимательных задач изобразить с помощью трех девяток 0, 2, 3, 4, 6, 8, 9 и 10.

Δ Μ Λ Ι Π Π ? Χ Χ Ι Ι Ι Ι V V Π Ц Δ Λ Λ ? ? Χ Χ Δ Ц Δ Π Ι Ι Χ V Μ Μ Λ Δ Π Ι Χ Χ V Ι Π Δ

$\overbrace{\text{а ц н а}} =$
 $\neq \text{МСМЛХХХΙ} =$
 $= \begin{matrix} \text{Ι Ι Ι Ι Ι Ι} & \text{? ? ? ? ? ?} \\ \text{Π Π Π Π} & \text{? ? ? ? ? ?} \end{matrix} =$
 $= \dots ?$

На столе Разгадайки среди бумаг, испещренных чертежами и черновыми набросками, появилась вот эта необычная запись.

— Раз уж мы заинтересовались древностью, то неплохо бы знать, как писали цифры в старину, — объяснил Разгадайка.

В Древней Руси существовала алфавитная нумерация, где числа обозначались буквами. Для того чтобы эти буквы отличались от обычных, над ними ставили черточку — титло.

Римляне пользовались специальными символами: единица — I, пять — V, десять — X, пятьдесят — L, сто — C, пятьсот — D, тысяча — M. Слагая и вычитая эти знаки, они записывали все остальные числа.

А в Древнем Египте была иероглифическая нумерация. Причем цифры писали не слева направо, а наоборот.

Теперь нам нетрудно продолжить нашу необычную запись индийскими (их еще называют арабскими) цифрами, которыми мы сейчас пользуемся. Попробуйте это сделать сами!

ОТВЕТЫ
НА ЗАДАНИЯ № 12

Географические названия: мыс Наварин, остров Айон, город Магадан, река Бытантай, гора Скалистый Голец, река Уда, река Енисей, город Пржевальск, город Нарьян-Мар, город Ереван, море Азовское, город Варшава.

Новый год приходит первым на мыс Дежнева.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), В. И. МАТВИЕНКО, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Рукописи и фотографии не возвращаются. Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-35905. Сдано в набор 08.10.80 г. Подписано к печати 15.12.80 г. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,7. Печать офсетная. Тираж 770 000 экз. Заказ 1397. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.